

З. Х. Травило

Н О М О Navicus,

человек флота

**Часть
Вторая**

Морские истории и байки

З. Х. Травило

**НОМО Navicus, человек
флота. Часть вторая**

«Горизонт»

2012

Травило З. Х.

НОМО Navicus, человек флота. Часть вторая / З. Х. Травило — «Горизонт», 2012 — (Морские истории и байки)

ISBN 978-5-7996-0700-52

Хронологий и четкого строя по должностям, флотам и датам не жди, читатель. Каждый рассказ самостоятелен. Вырви странички, сложи их, как хочешь. Можешь даже использовать. Понятно, на самокрутку... Дымок табачный – достойный реквием воспоминаниям военного пенсоинера. (Редактор, уважаемый, написано правильно. Убери свой красный карандаш. Как есть, так и читается, и пишется). Продолжение книги НОМО Navicus, человек флота (Часть первая) Книга содержит нецензурную лексику.

ISBN 978-5-7996-0700-52

© Травило З. Х., 2012

© Горизонт, 2012

Содержание

Гимн моряку	6
Абстинентам не место! Истоки традиции	9
ОВРа. Начало	11
Южнее	13
Спасатели	15
Брюки	18
Летучий голландец	21
Параллельные миры, или Разговор в каюте	26
Загадка	28
Веники	30
О большом и малом	32
Голос вечности	36
Высокая вероятность событий, или то, чего не было	39
Люди и звери	43
Волны памяти	48
Очень спорный тезис	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

З.Х. Травило НОМО Navicus, человек флота (Часть вторая)

Хронологий и четкого строя по должностям, флотам и датам не жди, читатель. Каждый рассказ самостоятелен. Вырви странички, сложи их, как хочешь. Можешь даже использовать. Понятно, на самокрутку... Дымок табачный – достойный реквием воспоминаниям военного пенсоинер.

(Редактор, уважаемый, написано правильно. Убери свой красный карандаш.

Как есть, так и читается, и пишется).

З. Х. Травило

Примечание автора

Если человек предрасположен верить, то убедить его можно во всем.

«Об искусстве создавать мнимости» Ши Цзы И, Китай, X в. н. э.

(кажись, наш, из «квумпарей». Только год выпуска странноват)

З. Травило, присоединившись.

Гимн моряку

Моряк, говорите? А кто такой моряк? Хотя и надоело мне заниматься просветительством, но и в этот термин надо внести ясность. Моряк – это вовсе не тот, кто ходит в море...

Химик, вы опять с тезисом не согласны, неугомонный вы наш? Смотрите на свое ухо, мы вам зеркало дадим, наслаждайтесь. Ведь на службе вы только и делали, что на уши начальников смотрели, оных этим раздражая, до инфаркта доводя... Вашим же, кхе-кхе, оружием... Установка на самоликвидацию, так сказать. Не поможет – придется выставить вас за дверь, тем более что тема вас-то не касается, мы о моряках говорим...

А вот теперь пришло время открыть Великую Военно-морскую Тайну.

Моряк – понятие собирательное, оно имеет массу градаций. Неважно, в каком моряк звании, должности, насколько велики его заслуги и знания. И матрос, и мичман, и офицер, и адмирал – все моряки. Одни более резвые и неразумные, другие умудренные опытом и возрастной ленью, но, кроме моря, их объединяет особый дух. Этот дух моряком и управляет, иногда вопреки его воле. Этот дух непредсказуем и всеобщ. Ему никто из моряков противостоять не в силах. Это – ДУХ МОРЯКА, или МОРСКОЙ ДУХ. Субстанция загадочная, неодномерная, никем не раскрытая. Присуща только моряку и никому иному, даже из военных. Раскрыть его суть мы не пытаемся, силенок не хватит, попробуем обобщить. А теперь подробнее. Только факты. Итак...

Моряк любопытен, как ребенок. Он может с неподдельным интересом с расстояния в 200 метров созерцать выгрузку активной зоны реактора с ремонтируемого атомохода. И чем труднее было пробраться на место наблюдения, тем интереснее смотреть. А радиацию не видно.

Моряк любознателен. Он любит что-нибудь нажать, включить, покрутить, подергать, открыть. Например, вентиль захлопки шахты работы дизеля под водой, да еще на глубине не меньше 60 метров. Ну что с него взять, дитя, сущее дитя. Оно не понимает, что вода, хлынув по открытой воздушной магистрали, затопит четвертый и пятый отсеки, а то и всю лодку. В корабельном уставе категорически запрещено прикасаться к кнопкам и рычажкам, которые не относятся к заведованию моряка. Но он все равно прикасается и трогает!

Моряк зажигает спички в помещении кислородной станции. Не потому, что там темно, выключатели ведь работают, свет горит, а потому, что там написано: «Взрывоопасно! Не пользоваться открытым огнем!» А в нем силен дух противоречия и любознательность. К счастью, судьба в виде зуботычины старшего более опытного товарища его хранит.

Моряк постоянно думает о девушке (жене, подруге), оставленной на берегу. Из-за этого он рассеян, несобран и путает минус и плюс при вводе угла поворота торпедных аппаратов. В результате торпеда летит не за борт, а пронизывает насквозь корабельные надстройки и затихает огромным фаллосом меж ног сидящего в каюте артиллериста, пугая последнего до «родимчика». Был артиллерист – стал кавалерист.

Моряк – противоречивая фигура. Помните фразу: «Если хотите со мной разговаривать, то лучше молчите». В ней он почти весь. А может, именно в этом ДУХ?

Моряк – должностное лицо, но не берет взятку. Ему просто нечего продать, кроме своей совести, а ею он не торгует.

Моряк постоянно в поиске. И если он прекрасно управляется с корабельной артиллерией и ракетами, поражая все цели, то непременно хочет научиться вышивать крестиком или лучше всех готовить лобио, слабо представляя, что это такое, но твердо зная, что это вкусно....

Моряк – существо романтическое, сентиментальное, где-то даже нежное и ранимое. Нежное именно там, куда обычно ранят. Рану наносит начальство. После ранения моряк становится вздорным и непредсказуемым. Ранение в это место придает ему многовекторное, а потому бесцельное ускорение. Он куда-то мчится, а окружающие и сбитые с ног встречные задаются

вопросом: «Куда бежит, как в жопу раненый?» А он ранен именно в это место... Сесть он не может, а это невыносимо, ведь ходить на корабле, собственно, некуда и негде, все рядом, надо бы и присесть. Если раненый моряк еще и в звании офицера, то кровь льется рекой из всех подчиненных, а многовекторность окончательно принимает вид броуновского движения...

Исключительность моряка не поддается измерению. Единственное, что его объединяет с гражданским человеком, – это челюсти. Да-да, как ни странно для большинства из вас, но есть у нас с гражданскими и что-то общее. Об этом, кстати, знают не все моряки, а только читавшие медицинскую брошюрку, в которой сказано: «...У моряка, как и у любого нормального человека, 32 зуба, в которых нельзя ковыряться гвоздями, вилками, ножницами и другими металлическими предметами...» Кстати, тезис достаточно спорный: у меня, например, зубов штук шесть, и мне ни разу не приходилось видеть моряка с 32 зубами. Наверное, все моряки, как и я, ковырялись в зубах именно тем, чем не рекомендовал безвестный эскулап. Чтобы, как понимаете, и последнюю похожесть на гражданских шпаков исключить.

Несмотря на то, что моряк упитан, еда для него не на последнем месте, а на одном из первых. Мало того, что он гурман, он еще и по аппетиту сравним только с Гаргантюа. Моряк хорошо усвоил вечный принцип: «Море любит сильных, а сильные любят поесть». Небольшое количество моряков, скажем, в составе очередной вахты, может сожрать 90-суточный запас продовольствия для экипажа дизельной ПЛ всего за одну ночь. Места в дизельюхе мало, и продукты распахиваются по всем отсекам и «шхерам», даже в сетках подвешиваются к подволоку. Они не съедаются, они вяло жуются между делом, но как-то очень быстро. Как правило, ночью. Исчезают галеты, печенье, компоты, консервы, колбасы, сыры, сливочное масло, томатная паста, картошка и даже хлеб «ГУ» – в герметичной упаковке и консервированный парами спирта. Саранча, завидууй и плачь!

Слава богу, что моряк не ворует и не ломает замок на двери в провизионку, благодаря чему в последней сохраняются кое-какие консервы и крупы, обеспечивающие ему минимальную поддержку жизненных сил в оставшиеся месяцы. А потом всю боевую службу, три месяца, раз в день экипаж питается двумя банками «кильки в томате» и горстью перловки, добавленными в 50-литровый лагун с кипятком. Так и выживает... Знал бы супостат, что ему противостоит ослабленный голодом экипаж, сразу бы войну развязал, да кто ж ему, клятому, скажет.

Среди моряков нет предателей, а если появляются, как Саблин, то самими моряками и уничтожаются. А ослабленных проглотов, привязав к ним конец потолка, вытянут в родной базе из лодочной шахты на свежий воздух и в последствии откормят. Для новой боевой службы. И все повторится...

Моряк – существо земноводное. Большую часть жизни он проводит в море, а на берег выходит только для горячо любимого процесса размножения. В это время, впрочем, как и всегда, моряк любит всех женщин независимо от возраста, комплекции, цвета кожи и отпущенной природой красоты. За это женщины одаривают моряков неземной любовью. Только моряку человеческая популяция обязана своим неуклонным ростом и не занесением в «Красную книгу». Господа скептики, китайцы – это исключение! И вообще есть версия, что первый китаец произошел от моряка, а только потом деградировал в обычного сапиенса, сохранив, правда, главное качество...

Моряк не любит презервативов, а к СПИДу, в отличие от гражданских, у него иммунитет. И есть только одно существо в мире, которому моряк завидует в этот период. Это питон, у которого два члена. Один можно лечить от подхваченного триппера (моряк неразборчив в связях), а вторым продолжать пользоваться. Это единственное, что мешает моряку быть сверхчеловеком.

Моряк консервативен и не любит наркотиков. Он расслабляется алкоголем и табакокурением. В первом ему нет равных, ведь только он сохранил знаменитый рецепт «табуретовки»

от Остапа Бендера. Он может выгнать брагу даже из дизельного топлива. Во втором он тоже не превзойден никакими курильщиками дорогих английских трубок.

Ну кто из вас после трех суток воздержания и нехватки простого воздуха, взобравшись на мостик ПЛ, за одну минуту выкурит самокрутку из «махры», толщиной в руку, и не умрет? То-то же, слабаки...

Моряк резв, как скаковая лошадь, находчив, смекалист и исполнителен.

Я помню майора Сучкова, который сдал в ремонт двигатель командирского уазика, и пятьдесят километров, вводя в обман водителей других машин, просил «дернуть, чтоб завестись», зная, что машина без мотора... До части он доехал.

Моряк дисциплинирован. Отставший от подводной лодки в Петропавловске штурман прошагал 40 км за восемь часов (отряд элитного спецназа одолевает за это время лишь двадцать километров) по непроходимым камчатским зарослям ночью, чтобы успеть к подъему флага и выполнить приказ командира: «К утру быть в базе!» Даже звери его жрать побоялись, на фиг им бешенство?

Моряк грамотен и владеет специальностью. На ЧФ экипаж судна-«спасателя», на котором остались одни матросы и старшины (офицеры и мичманы пьянствовали на берегу), вывели по тревоге корабль от пирса в море, в точку якорной стоянки. Сняли с должностей всех, экипаж расформировали, но погорячились, на мой взгляд. Это были настоящие моряки, матросы и старшины. А кто их учил? Ясно, что те, снятые мичманы и офицеры. И учили хорошо, настоящим образом военному делу...

Моряк обладает чувством юмора. Обидевшись на всех и вся, угрожая взорвать зажатую в ладони гранату, он может заставить весь экипаж во главе с командиром петь фирменную песню корабля «Варяг», но граната будет учебной и потому безопасной.

Моряк настойчив, внимателен к старшим и деликатен. Я знал человека, который посылал открытки с пожеланием здоровья, счастья и долголетия умершему три года назад ветерану ВМФ, не обращая внимания на жалкий лепет его родственников. Ровно три года!

Моряк сентиментален и находчив. И если ему поручили избавиться от гарнизонных собак, он вывезет их в другую часть, а не на живодерню.

Моряк бесстрашен и верен присяге. Только моряк может задраить переборку затапливаемого отсека и бороться с прибывающей водой, не щадя живота своего ради товарищей. Только он может шагнуть в аварийный реакторный отсек, зная, что обратно уже не выйдет... Только он будет рисковать жизнью, спасая жителей какой-то незнакомой Мессины, о которой он и не слышал в своем селе.

А еще только моряк может, приложив руку к козырьку фуражки и не спустив военноморского флага, погрузиться в пучину вместе со своим кораблем.

Корабль – не танк, и даже не ракетная шахта, не обижайтесь, армейские ребята.

Корабль – это больше, чем даже семья, это больше, чем жизнь... Это – корабль. Моряки знают.

Героизм для моряка – обыденная повседневность, а не исключительность, поэтому хватит об этом. Помпезность и пафос не для нас.

Моряк – понятие многогранное, великое, бесконечное, непознаваемое, непредсказуемое.

Как само море, из которого он вышел, в которое вернулся, а может, и остался навсегда, слившись с ним и став его частью...

Слава тебе, дружище!

Абстинентам не место! Истоки традиции

При всем моем достаточно богатом опыте службы я никогда не встречал моряка-абстинента.

Единственное, временное исключение – это заболевание моряка гепатитом. Сам сквозь это прошел.

Проводы на классы, в академию, обмывание новой должности или звания отмечались обильными возлияниями.

И будучи абстинентом поневоле, быстро ощущаешь клеймо старой поговорки: «Кто с нами не пьет, тот нас закладывает».

И выздоровление начинает идти быстрее, а не так, как доктор прописал. Чтоб вновь в коллектив влиться. Простите за каламбур.

И у каждого неабстинента есть своя история.

Типа:

- Это когда мы дверь в квартиру начпо сожгли...
- Это когда Коля М. загорелся, разбив банку спирта и закулив с огорчения...
- Это когда мы выпили канистру спирта за два дня схода. Вчетвером...
- Пять бутылок водки на двоих за ночь, а потом перелет во Владик...
- Это когда мы «Зеркальный», («Волну», «Океан» и т. д.) разнесли...
- Это когда мы с патрулем дрались и пять машин им в помощь приехало...

Все это слабо.

И что я не родился раньше?

Вот как моряки гуляли:

Рекорд крупнейшего коктейля в истории принадлежит британскому верховному адмиралу Эдварду Расселу. В 1694 г. он устроил вечеринку, на которой в качестве чаши для смешивания пунша использовался фонтан в саду.

Что пили? Смесь, содержащую 250 галлонов (-946 л) бренди, 125 галлонов (-473 л) вина «Малага», 1400 фунтов (-635 кг) сахара, 2500 лимонов, 20 галлонов (-75 л) сока лайма и 5 фунтов (-2 кг) мускатного ореха.

Бармены плавали в фонтане в небольшом деревянном каноэ, наполняя бокалы гостей. Им даже приходилось сменять друг друга каждые 15 минут, чтобы не опьянеть от паров и не упасть за борт.

Вечеринка продолжалась в режиме нон-стоп целую неделю, лишь ненадолго прекращаясь во время дождей, чтобы воздвигнуть навес над пуншем и не допустить, чтобы вода разбавила его. Веселье не прекращалось, пока весь фонтан не был выпит досуха.

Вот! Вот как надо гулять!

Ключевые слова: «адмирал», «моряк», «фонтан», «досуха».

В 1805 г. британский адмирал Горацио Нельсон был убит в Трафальгарском сражении у берегов Испании. Простых моряков хоронили прямо в море, но так как Нельсон был адмиралом, то было необходимо привезти его обратно в Англию и устроить официальные похороны. Чтобы сохранить тело во время путешествия домой, помощник командира корабля поместил тело Нельсона в корабельный чан с ромом и приказал прекратить выдачу рома команде. (!!!! Примечание автора. Знающие люди напряглись от этого бездарного решения!)

Неплохая идея (? Примечание автора), но когда корабль достиг порта, и официальные лица отправились за телом Нельсона, они обнаружили, что в чане не осталось ни капли рома. (А что всю дорогу говорил автиор?!)

А вот ниже вам и истоки.

Невзирая на несколько необычный вкус (во всех смыслах), команда тайком попивала ром на протяжении всего пути. После этого корабельный ром стали называть кровью Нельсона.

Кровью кого назвать корабельное шило? Кстати, для сохранения запасов спирта на корабле мы, командование, в него и писали, и добавляли тертый кирпич, чтоб цветом отпугнуть, и добавляли 50 г бензина на 20 л спирта. Ни одно средство не помогло. И матросы продолжали воровать шило и пить его.

Даже звери пьют. А мы ж человеки!

ОВРа. Начало

После достопамятной «Пасхи» и перевода с эсминца лейтенант Косточкин прочно обосновался в бригаде ОВРа. Он закалился и возмужал, защищаясь от служебных невзгод принципом «нас иметь – только гвоздь тупить». А желающих затупить гвоздь было много, ОВРа – не школа гуманизма.

И пусть кто-то гордо вещает: ах, автономка, ах, 90 суток. А потом отдых на Шук-озере или в Паратуныке, ордена-медали, повышения по службе и прочие блага. Выгнать в море подводный крейсер – проблема общешлотского масштаба. Выгнать «тралец» – даже не бригадного. Этакie корабли-велосипеды.

А ну-ка на брандвахту, на месяц. Заменить некем – продлим еще на месяцок. Жрать нечего? А что, рыба уже не ловится? Ловите, ловите, ее там много.

А кто это у нас вторые сутки у стенки болтается? Пусть комбрига подводного в базу доставят, нечего стоять. А на рыбоохрану кого? А на Курилы?

В общем, бегали и рыскали тральцы по всему Тихому океану, а экипажи, вернувшись в родную базу, ничего, кроме взысканий, не получали. Кажется, Пикуль сказал, что на ОВРе служат люди смелые, но бестолковые. Косточкин был толковым, просто ему не везло.

Неприятности начались с меня. В субботу. Была у меня привычка наполнять бар. Там стояли вина, лежали красивые пачки американских сигарет, привезенных из Москвы. Когда приходили друзья, бар быстро опустошался. Курил я. Пополнение происходило, но медленно. В тот вечер мы выпили все, бутылок 20 – отмечали назначение Жени на самостоятельную должность.

Я, проводив его до автобуса, честно и добросовестно, с чувством выполненного долга перед другом и кружащейся головой, лег спать. Даже о винах не жалел. Мне было проще, ехать никуда не надо. А Жеке надо было добраться до бухты и поселка Завойко, причем последним автобусом. Пять километров, ходит ПАЗик. Единственное – он маленький, а людей, желающих вернуться, много. Сотни две народу скопилось на остановке. ПАЗик при сильном уплотнении при 26 местах, в том числе и стоячих, мог взять не больше пятидесяти. Народ волновался и стоял в очереди. Автобус подошел. С возгласами «а вас здесь не стояло» начался штурм, перешедший в банальную массовую драку. Представьте, рубятся 200 человек! Праздник!

Размягченный экзотическими винами, Косточкин призвал всех к порядку, за что и получил в зубы. Очнувшись в сугробе, сплюнув кровь, он увидел Куликовскую битву, Мамаево побоище, битву на реке Калке... Автобус стоял с открытыми дверями и пустотой внутри... Вокруг народ крепко бил друг друга... Сунув пару раз кому-то в пятак, Жека залез в автобус, сел на свободное место и задремал... Верхняя губа вздувалась посекундно. Нечто инородное на родном лице...

Вот и родной корабль, вот и койка. Спать, спать...

Пробуждение было чудовищным. Когда голова раскалывается, а какая-то падла тебя трясет за плечо.

«Иди на х..., изверг!» – рявкнул Косточкин и попытался попасть в нос будившему... Верхняя губа болела и была похожа на пельмень.

Эх, как же он был не прав! Тряска не прекращалась. «Ну, сейчас я тебе у...!» – Косточкин перевернулся, прицеливаясь в глаз негодяю, махнул рукой, попал! И увидел контр-адмиральский погон. «Бред начался!» – мелькнуло в сознании...

Нет, все было прозаически.

Вечером замкомбрига, уходя на сход, оставил за себя новенького зама. Жеку об этом не предупредили ОВРа.

В воскресенье утром приехал ЧВС флотилии, а его никто в десять утра не встречает.

– Кто старший? – лейтенант Косточкин по журналу.

– Проводите меня к нему! «Я хочу видеть этого человека!» (С. Есенин) Проводили.

Дальше вы знаете.

Жека как был, в трусах и без фуражки, вскочил и отдал честь.

– Лейтенант, что у вас с губой?

– Герпес, товарищ адмирал!

– А почему спите и не встречаете начальство?

– Температура!

– Лейтенант, если у тебя нет температуры, я тебя на этом тральщике сгною! Ты умрешь здесь, сволочь! Меня на «х» послать!

– Виноват, не разглядел!

– А ты еще и видишь плохо? Флагманского врача сюда! Температуру мерить! Ну и гнусная рожа! Сгною!

Нагреть градусник – дело нехитрое. Нагрел до сорока двух.

– И как мы еще с подобными офицерами служим? Хворь вечно больного найдет, – воскликнул ЧВС, запомнив фамилию, и убыл. Поверил, но запомнил. А ты не верь!

Жека вздохнул облегченно – пронесло, и лег спать. Он начал превращаться в настоящего ОВРовца.

Южнее

А кто такой настоящий ОВРовец, я вас спрашиваю? Что, слабо ответить? Мне тоже слабо, но я попытаюсь. Это человек, плюнувший на все, кроме службы. Он знает, что ничего не светит, но внутренний стержень держит его в струе. И в динамике. Он не ждет ничего. У него нет будущего, только настоящее. Офицер. Фаталист и философ. Стоик. И сам себя веселит – а что еще остается?

Многое и многих видывала камчатская ОВРа, но таких, как Косточкин, не встретилось. За Жекой следил сам ЧВС.

– Что? Комбрига подводников 6 ноября после совещания в базу доставить? А где этот Косточкин? Пусть он и идет. Нечего таким мудакам 7 ноября в Петропавловске делать! Замкомбрига Бардадым (это настоящая фамилия, а не ругательство), давал команду. Бросив молодую жену, Жека мчался на тральщик.

Закалка продолжалась. Кто же знал...

Стодвадцатикилограммовый комбриг нашей бригады, шевеля усами, взбежал на трап... Гнилые доски, оструганные лишь сверху и создававшие иллюзию новизны, не выдержали...

Смотреть, как тонет адмирал, сбежалась вся бригада. Спасибо мичману-овровцу, спустился, обвязал концом, вытянули. Минут через пятнадцать. А вода холодная! И фуражку достали, адмиральскую. Все в говне и в мазуте. И адмирал, и фуражка. Понятно, баню согрели, спортивный костюм нашли, маты записывали аж шесть часов, вина и спирта лишились месяца на четыре – комбриг выпил для сугреву...

Понятно, Косточкин всему виной...

– А давайте их месяца на два на брандвахту, в Бечевнику, а потом на рыбоохрану? Все не в базе, а в море – ну что они сделают? И вообще, там же этот Косточкин...

Комбриг утвердил, начпо согласился...

Когда тральщик подошел за водой, в Бечевинке, Женя, со своей головой 62-го размера и улыбкой бравого солдата Швейка, поспешил ко мне в гости. И сразу наткнулся на начпо. НачПо не любил улыбающихся людей. А вдруг, это на них улыбаются. Или от него?

– Что вы все здесь разлагаете? – последовал вопрос.

– Не все, а вся, – последовал ответ. – У вас и так все разложено.

Больше их и за водой не подпускали.

Потом последовала рыбоохрана. Это когда советские военные корабли контролируют неприкосновенность наших зон рыбного промысла от японцев. Рыбоохрана – дело увлекательное. Японская нейлоновая сеть, выставленная на пути миграции лосося – очень тонкая штучка. Двести метров входит в обычный целлофановый кулек. Как начальство презенту радуется! А сама рыба! А икра – ложкой! А крабы! Лафа, а не задание!

На Парамушире японские дома с бассейнами на крышах и улиткой-турбиной на водопаде, дающей свет в эти дома уже больше 70 лет. Интересно!

На Курилах шкурка голубого песка идет за двести граммов шила. За бутылку – три. Жены с воротниками будут! Шкура тигра – за две бутылки. Дороговато, да и выделана не ахти...

Вот это путешествие, вот это дальний поход, не брандвахта, поди, будь ты проклята... Косточкин купался в тысячах километров оторванности от начальства и в новых впечатлениях. И шкурки песка гладил, а что, нормальный человек.

Но ничто не длится вечно, особенно хорошее.

«Радио» нарушило благоденствие: «Вам осуществлять слежение за американским фрегатом. В случае получения приказа – уничтожить...» Тральщику!

Ох, эти москвичи, единицы ВМФ в данном районе учитывали, а не их боевые возможности. Я сам на корабле КИК при скорости четыре узла, при встречном ветре и полном отсутствии оружия гонялся за американским авианосцем... К счастью, минут на 10 нас хватило.

Но то мы, а то ОВРа. Они бешеные. Обнаружили фрегат. Как БелАЗ и «Ока» рядышком... Следить начали. Сутки в дрейфе, вторые. Фрегат тоже лежит, как кот на подушке. Спокойно... Фотографии друг друга на память – хинди-руси-бхай-бхай или что-то подобное. Телевизор Японию берет, наши баскетболисты с америкосами играют. Все на английском, но броски и так понятны! Ура Белову! На последних трех секундах забрасывает! 97:96! Наши впереди! По такому случаю тральщик по инициативе Косточкина и команде командира вывешивает цифровые флаги... Пусть и американцы разделят нашу радость! О, спорт, ты – мир!

И тут началось. Фрегат взбесился, дал полный ход и пытается протаранить борт, причину никто не знает... Наваливается, сучья махина... Бежать, тихо

повизгивая! Трое суток уклонялись, а он все за тральцом гонялся, пока флаги не сняли цифровые, командир случайно голову поднял, вспомнил...

Опять тихое и мирное дрейфование... После этого ненависть к супостату на Женькином тральщике не мог извести никто. Народ, встретиться им кто с этого фрегата, зубами бы загрыз, только борт, сука, высок...

Начальство после докладов о поведении фрегата, а главное – о причинах, решило тральщик в Камрань заслать, во Вьетнам, от греха и себя подальше...

Спасатели

Итак, тральщик Косточкина с рыбоохраны перенацелили в Камрань.

А что, пока метут метели на Камчатке, позагораем. Все радовались. И вообще, что тут с Сахалина до Вьетнама? Пару раз на карту плюнуть, штурман карандаш второй раз заточить не успеет!

И вообще, задрали ночные рейды по плавбазам, где сплошь женский экипаж в поисках матросов.

Ура! На юг!

Камрань (вьетн. Cam Ranh) – город во Вьетнаме, в провинции Кханьхоа. Население – 114 000 человек (на 1989 год). Является вторым по величине городом провинции. Расположен на берегу Южно-Китайского моря возле бухты Камрань. Благодаря природным условиям порт Камрани считается одним из лучших глубоководных портов в мире.

Во время Вьетнамской войны Камрань находилась на территории Южного Вьетнама и была крупной тыловой базой США. Американскими инженерами были построены аэродром и современный порт. В 1972 году США передали все военные объекты в Камрани южновьетнамской армии. 3 апреля 1975 года город был взят северовьетнамской армией в ходе Весеннего наступления.

2 мая 1979 года, через два месяца, тральщик перенацелили с рыбоохраны в Камрань. После окончания китайско-вьетнамской войны СССР и Вьетнам подписали соглашение об использовании порта Камрань как пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) советским Военно-морским флотом сроком на 25 лет. В дальнейшем здесь была создана крупнейшая советская военная база за рубежом общей площадью 100 км². Вся инфраструктура была модернизирована. На аэродроме постоянно базировался отдельный смешанный авиационный полк.

Прости, читатель, за справку по поводу этой бухты. Не Порт-Артур, но все же.

Здесь американцы готовили и применяли дельфинов против подводных пловцов. Где этот «Гринпис»? Бездельники...

Мой друг, подводный пловец Ван, проплыл с группой сорок километров по реке. Зарезал четыре рыбы, супердельфинов. С ножами на боках и верхнем плавнике. Кстати, дельфин – второе опаснейшее по агрессивности млекопитающее, после акулы. Касатка на третьем месте. А у страуса глаз больше мозга. А у питона два (!) пениса! И оба штопором! Как он их вкручивает? А пингвин не жрет сто дней...

А куда это меня понесло? Серьезнее надо, представительнее. Про ежей потом расскажу, потерпите. Так вот...

Закопавшись на пляже в песок, услышал, как его группу взяли америкосы. Они и по нему ходили. По Вану. Америкосы. Искали... Ван лежал в песке трое суток. Дышал через тростинку. Черепашьи яйца в этом песке жарились через час. Не знаю. Молчу. О яйцах Вана. Он стал героем Вьетнама. Мы с ним в академии вновь встретились. Вроде все было в порядке. С яйцами. Проверено.

Когда патрули снизили бдительность, Ван прикрепил три магнитных мины к корпусам американских кораблей... А потом вернулся в базу: еще сорок километров вплавь по реке против течения без снаряжения.

А потом их вьетнамские ребята пошли в наступление! Ли-си-цын, Су-хо-вин, Вой-тенко. Пехота, спецназ, авиация!

Да ладно, не придирайтесь. Порт захватили. Первым делом испортили гидравлику пирсов, за счет которой к ним даже авианосцы могли швартоваться... Поднимались пирсы до нуж-

ной высоты. Извращение! А не надо нам этого! Начали жить и устраиваться. Пришли советские корабли. Подоспел и тральщик с Косточкиным.

Вьетнамские офицеры были доброжелательны и учтивы. Только одно удивляло: в субботу-воскресенье их снимали с довольствия, и они рыскали по побережью. А потом с палкой на плече, на которой висел добрый десяток крупных ящериц, гордо возвращались домой. Семейно кормить надо, как вы думаете? Наши их подкармливали хлебом и консервами. Отсюда и дружба была, через желудок, а не общность идей...

Ах, это теплое море! Золотой песок... Загорать, купаться! А вода +29! Косточкин нырнул в теплое, как свежесваренный компот, ласковое море.

А что это за эти бульбашки и фонтанчики вокруг! Что?! По мне стреляют? Шире замах рук, ногами работай! С берега отчетливо грохотали очереди с калаша...

Буре плакал бы, узнав Женькин результат. Когда он на вспененной волне и килограмме адреналина выбросился на берег, вьетнамец Ли улыбался.

– Хорошо плаваешь, быстро. Это я стрелял. Тренировка!

Так и дружили.

Ночью прибрежные джунгли грохотали выстрелами из автоматов, красножелтыми вспышками и оранжевыми сполохами гранат... Южный Вьетнам боролся с Северным.

Наши корабли усиливали вахту и сокращали время сброса гранат ПДСС. Утром паратройка оглушенных взрывами трупов дрейфовала вдоль борта... Как дохлая рыба. Трупы собирал вьетнамский катер, цепляя баграми с огромными крючками... Хотелось в море.

Косточкин не знал, что война продолжалась и там. Когда мы на лодке возвращались домой, увидели джонку, терпящую бедствие. На борту человек сорок, дети, женщины, мужчины. Сидят, головы опустили, хода нет. Дрейфуют. Взять не можем ни на буксир, ни на борт: мы на БС. Спустили за борт, привязав концом, помощника с ДУКовским мешком, с консервами, хлебом. Передал. Вытянули помоху. Смотрим – мешок за борт выкинули. Недоумеваем. А тут подскакивает торпедный катер «северных». Женщин и детей на борт, на перевоспитание в концлагерь, мужчин вдоль борта. Тра-та-та-та из автоматов... По джонке торпедой! Вот осколки и ошметки высоко летели!

Оказывается, «южные» американский корабль ждали, союзников, для спасения, потому и помощь отвергали. Не пришли союзники... Не повезло...

О, в зоне ответственности 15 оперативной эскадры ТОФ – американский фрегат! А кто у нас специалист по фрегатам? Правильно, тральщик Косточкина! Искать! Вперед!

Какое счастье – быть в пустынном море! Маневрировать сложно – атоллы. Того и глядишь, на мель сядешь. А что это такое на рифе большое бьется? И крик на все море? Дальше – прямая речь Косточкина: «Вьетнамский корабль развозил смену и еду на острова, за которые они спорили с Китаем. Там эти острова знамениты тем, что на них много птичьего гуано, стратегического удобрения. И эта баржа села на риф, где с трех сторон уже высились остовы таких же, а она заняла четвертую.

Коралловый риф – блюдце в пару миль. Подгрести мы – стоит, и шторм ее колотит об рифы. 5 вьетнамцев носятся там. Тралец наш плоскодонный, подошел близко, но начало сносить. После неудачных попыток завести буксир на баржу кэп Ковалев Вячеслав Сергеевич принял решение стать на якорь. Спустили шлюпку со мной и шестью воинами. Минер Каменев Вова тоже туда. Он заводил бريدель, а я пинками сгонял аборигенов на шлюпку и возил их к нам. Потом тральщик поработал трактором, стягивая баржу. Стянули, притаранили на базу.

Через неделю командование военно-морского района (их там было четыре, как наших флотов) дало прием в честь советских героев-спасателей...

А мы стояли на брандвахте...

Катер прислали после первого тоста за нас, когда нас там не было. Посол обеспокоился. Хотел в лицо видеть. Мы прибыли. Гордые. Пили сибирскую водку и их пиво. Поменялись

рослые девушки возле меня на трех их подполковников, когда я предложил запивать водку пивом. Оно у них оборотистое, в 33 градуса против наших 45... Три девушки-шпионки легли под стол. Красиво лежали. И трусики такие кружевные вверху длинных смуглых ножек... Я хотел под стол спуститься типа и мне плохо, так командир не дал. И прав ведь был! Их в хижину отнесли, а нас потом в эту хижину и запустили... С тех пор не очень люблю длинные ноги в постели, от них только помеха...

Нам дали на выходе по пузырью водки, чтобы мы могли вспомнить друзей завтра.

А ордена и медали ушли, куда и кому положено... Мы-то с командиром и минером люди понимающие, а кто-то начал базланить, до особого отдела желание про медаль дошло...»

Через пару дней поступило радио: «Тральщик, такой-то тактический номер, такой-то бортовой, отправить в порт приписки Петропавловск-Камчатский...» Тут без вас комбрига подводного в бригаду и отвезти некому...

Все вернулось на круги своя...

Брюки

«Травля – веселая дружеская беседа, не прерываемая начальством и проходящая в неформальной обстановке. В формальной обстановке является проявлением флотской демократии. Заразна, как чума, бесконечна, как Вселенная. Главное занятие в отсутствие начальства и в обществе женщины. Хороша под рюмку вместо закуски. С закуской является десертом.

Травить – давать слабицу концу (веревке), рассказывать флотские байки, изрыгать пищу вследствие морской болезни (после водки блюют, во время качки – травят)».

Из моего словаря. Увы, цитировать больше некого.

Господи, и кто их назвал великими и мудрыми? Не понимаю...

«Мир велик, непознаваем и бесконечен...» Не согласен я. И мир мал. Хотя... Московское метро намного меньше. Только там, чинно следуя с женой через неделю после свадьбы, на перроне «Парка культуры» можно встретить девчонок из петропавловского «Вулкана». Всех трех, с которыми был. И вместе, и по очереди.

– Милый, наконец-то! Хоть одно родное лицо!

И на шею, все сразу, и поцелуи, долгие, и уже весь в помаде, а жена рядом... Отбил. Убедил, что девки обознались. Еще лет семь назад мы с Ричардом Тиром, америкосом из фильма «Красотка», на одно лицо были. Это он по ночным бабочкам шляется, не я. Обознались. Звони Тиру.

Поверила жена, но как-то неискренне и уже искоса смотрит. Жалее. Интересно, кого? Или о чем?

А через пять остановок на очередной платформе – дружбан, его на втором курсе из училища попросили. Разговариваем. Долго.

Жена говорит потом:

– И так в этой Москве все время будет?

– Как «так»?

– Ну, ты в центре внимания и всякое такое, друзья, подружки. Слушай, ты от меня ничего не скрываешь? Может, ты здесь, в Москве, уже жил? А откуда столько знакомых?

Тяжело мне было. Пришлось весь профессиональный запас знаний и умений включать. Понятно, убедил. Профи. У меня и таджик при желании арийцем становился.

А все равно не с руки. А не дай бог, и дальше все так пойдет... А Владивосток? А Хабаровск? А Томск? А Майкоп с Краснодарским краем? Блин, а если Красноярск и Большие Сочи? А не дай Господь, Венера Арнольдовна, врач из флотской поликлиники с именем-лозунгом? Или старпом, со своим вечным вопросом-предложением:

– Викторыч, у меня тут пара ампул бицеллина осталась. Не надо? А то выбрасывать жалко...

Нет, уж, теперь в метро только врозь...

А еще меньше московского метро славный город Североморск. Только там, перемещаясь от одного однокашника к другому, в четыре часа ночи, можно встретить пьяного, как всегда, «комсомольца» политотдела из Бечевники. И уже и Север не Север. Никакой экзотики. Все родное, все рядом, и качается также... Он здесь, оказывается, стройбатом занимается. Ну за кадры на флотах всегда борьба была...

А о чем это я вообще? Ну, будем... Сейчас, занюхаю и расскажу о главном. Как о чем? О брюках. Как не слышали? А я здесь зачем?

Короче, ну и сколько брюк у офицера на службе? Нет, гражданских? Правильно. Если жена костюм не купила, то и нисколько. Ну, понятно, бывают исключения. Но только в том случае, если вы всегда в белом кашне (да и хрен с ним, с комендантом города), в фуражке в любой мороз и туфлях на коже, даже зимой. И красоту понимаете. Вот у меня двое брюк было. Одни песчочноклетчатые, а вторые – из «кительного» материала, темно-синие, клеш от бедра... А женщины, они это любят. То ли клеш, то ли брюки. Вот никогда времени не хватало, чтоб спросить. Только снять и успевал. А там уже не до высоких материй... Так в неведении и остаюсь.

А как большинство из нас в гости ходило? Правильно, сверху свитер, брюки флотские снизу. Вот и вся «гражданка».

И надо же случится, с другом отпуска совпали. В Киеве встретились. Паб-кролл по забе-галовкам от пассажа и на Подол. Повторение Арки дружбы народов с парапета, в две струи – туалетов тогда мало было. Разгон демонстрации националистов. Вдвоем на 20 человек. Весело. А я в своих брюках любимых, темно-синих. А друг косится.

Вот друг и говорит:

– Завтра в гости. Вечером. А пошью я брюки и себе. Красиво. Теперь я понял, почему девушки к тебе тянутся. И секрет совсем прост. И держись тогда...

И на мои поглядывает. А сам во флотских. По привычке, понятно. Как тягу к прекрасному остановишь? Друг. Я-то понимаю. Я одобрил. Отдышались после драки, магазин нашли. Купили серебристо-черную итальянскую ткань с искоркой...

Друг говорит:

– От тещи через дорогу закройщик Арон Семенович, а портной Иосиф Моисеевич. Сделают в лучшем виде. И быстро.

Сопровождаю. Завидую фактуре ткани. Теперь на Камчатке у кого-то брюки будут лучше. Не пострадает ли моя привлекательность? Но разберемся. Для друга и девчонок не жалко.

Замерили его, ткань и вкус похвалили. Клеш, сказали, не модно, хоть друг и настаивал.

Утро. Перезваниваемся

– Ну, как?

– Был на примерке.

До праздника 10 часов.

– Ну, как?

– Сшили. Одна штанина короче. Зайти через пару часов.

– Ну, как?

– Новая «молния» разошлась. Перешивают.

– Ну, как?

А мне ткань с искоркой покоя не дает...

– Да, блин, через час выезжать, а они две «стрелки» загладили...

– Ну, как?

– Еду, еле успеваю! Это что-то! Я никогда не был так красив!

Сопереживаю. Легкая грусть за свои штаны. Щупаю, смотрю. Искорки в моих нет. А материал все равно хороший...

Утро. Звонок.

– Надо встретиться.

Голос убитый. Что-то серьезное. Не заболел ли кто? У друга тесть – гинеколог. Половину Подола принял. Личность известная. И не только в Киеве. Ну это нам не интересно. Интересно другое. Бутылки лучших коньяков достает из воздуха, с антресолей, с обувной полки, из стиральной машины, из кресла...

А ту ли мы профессию выбрали? А, может, не поздно переквалифицироваться? А как увлекательно... А может, ему ассистент нужен?

Прочь, подлые мысли. Не дай бог, с дедом что.

Нет, все проще. И печальней.

Друг встречает в трико.

– ?

– Брюки произвели фурор. Девчонки щупали весь вечер. И искорка... И еду уже в метро домой. Планы радужные: «Вулкан», «Авача». «Океан»... А рядом мужик сидит, с собой борется. Тоже, видно, из гостей возвращается. И вижу, и встать лень.

И только раздалось: «Тараса Шевченко», он мне на брюки весь фонтан винегрета и выпустил. Умерла искорка.

– А чего домашние скучные? А, понял, брюк жалко?

– Да нет. До сих пор не объясню, чего я в 12 ночи домой пришел в одних трусах и рубашке навывпуск...

– Да, семейная жизнь – дело сложное.

Утешил как мог. Еду домой.

А вот они, мои, без искорки, зато флотские! И с клешем! А плюнуть на утюг! Шипит... А мылом хозяйственным с изнанки, по стрелкам! А наглядить! Это не заграничная дрянь! Из «этого» китель мог вылупиться!

Ишь ты, искорка... Ты, это... Другим тоже, но не часто поблескивай. Если им удастся от соседа увернуться.

Летучий голландец

Товарищи офицеры, сегодня мы порассуждаем над философской проблемой, суть которой заключается в следующем: «Почему все хорошее заканчивается так быстро»? Надеюсь, возражений нет?

Ну, химик, вам что, тезис непонятен, что вы руку тянете? Вас не интересуют деньги как категория хорошего? А я и не о деньгах вовсе, догадливо-меркантильный вы наш, я о вечном. Не мешайте другим, а то опять бинтовать вас придется, вон уже старпомы кучкуются, видно, старое вспомнили, на вас смотрят плохо...

Итак, я не знаю, в каком безумном комсомольском застолье прозвучала мысль о том, что члены ВЛКСМ – рыбаки, в том числе активисты, за время промысла рыбы безнадежно деградируют и отстают от жизни, мыслей и чаяний молодежи страны. А это неправильно и социально опасно.

Я не знаю, кто это услышал и сделал выводы. Одно знаю точно: это был очень влиятельный и мудрый человек. Мы ему на Камчатке бюст хотели при жизни поставить в знак благодарности, но, не зная человека в лицо, эта задача, как вы понимаете, невыполнима. Наверное, он был работником невидимого фронта или членом какого-нибудь ЦК, или даже Президиума. И бюст на родине такой величины наверняка уже стоял, вот он и отказался от очередных почестей, скромняга.

Чем же он так прославился и нам угодил, вплоть до бюста, спросите вы?

А вот чем: по его распоряжению в водах Тихого океана появился шикарный трехпалубный теплоход под гордым названием «Крепчагинец». На нем было все: каюты повышения квалификации и обучения комсомольского актива, бары, бильярдные комнаты, боулинг, сауны (шесть!), в которые мог пройти утомленный учебой этот комсомольский актив и отдохнуть от трудов праведных, ресторан, танцпол с караоке, кинотеатр, видеозал и многое другое.

Но самое главное, что было на теплоходе, – это отдельная каюта для каждого члена экипажа. Экипаж формировался ЦК комсомола страны (сначала из активистов Союзных Республик, потом и до областей дело дошло), менялся каждые три месяца.

Ну вот, вот я и дошел до основного. Предыдущее, по сравнению с этим, просто стыдливо блекнет. Не догадались еще, в чем фишка?

Химик, что скажете? Тьфу на вас, какие коммунисты-активисты? Крепко же мы в вас эту псевдопатриотическую заразу вбили, как зуб коренной сидит, хрен вытащишь, м-да... Как всегда, безнадежен...

Ну ладно, химик – он химик и есть, но не у всех же так все запущено. Кто еще выскажется?

Есть, есть еще светлые флотские головы! Блестящая интуиция, заменяющая собой логику. Нутром чувствуют, хоть умом и не блещут. Вижу, всегда по жизни бежали с членом наперевес. Это, прошу заметить, комплиментарное заявление с моей стороны.

Да, да! ИНСТРУКТОРАМИ ЦК БЫЛИ ЖЕНЩИНЫ! И какие!

Не эти тощие, несуразные, плоские, голенастые топ-модели на худеньких ножках, с выпирающими ребрами и острыми коленками, с плоской грудью, а вернее, с одними сосками – грудью это не назовешь, язык не поворачивается. Они нравятся только извращенцам, которые их на кастингах и отбирают, чтоб нас, мужиков, от их вида тошнило. Тьфу! Вот-вот, во бл каких-то за красавиц выдать пытаются. Разделяю общее возмущение. Но позвольте продолжить.

Так вот, на борту «Крепчагинца» были только первые красавицы. Так сказать, отборный генофонд страны.

Январь-март взяла на себя кареглазая и пышная Украина, апрель-июнь – рыжеволосая и веснушчатая, стройная Прибалтика, июль-сентябрь – жгучечерная и волоокая Молдавия, октябрь-декабрь – беспардонно раскованная и ненасытная в постели Белоруссия...

А мулатки... О, эти мулатки... Впрочем, извините, затравился, свое вспомнил. Не было там ни мулаток, ни негритянок. Негритянок тогда вообще мало в стране было, не то что сейчас, когда в телевизор ткнешь, а тебе негритянка про погоду на севере нашей страны вещает, переключишь канал – там другая поет, третья пляшет. К этому мы потом вернемся. Продолжим.

Там, на «Крепчагинце», был настоящий, прекрасный, экзотический, сразу воспринимаемый и вожделенный интернационал, нерушимая дружба народов, скрепляемая, как правило, беременностью.

Рыбаки наслаждались жизнью. Некоторые не хотели возвращаться на родные сейнеры и траулеры, пытаясь продлить праздник и прячась в многочисленных «шхерах». Их отлавливал комсомольский патруль и сдавал с рук на руки озлобленным капитанам судов. Говорят, что боцманы матросов даже били, приговаривая: «Водку пьете и трахаетесь как взрослые, а работаете как дети, у-у-у, комсомол!»

Руководство «Тралфлота» и «Рыболодфлота», или как они там назывались, обеспокоилось падением улова и категорически протестовало против захода «Крепчагинца» в места промысла. Капитанам была дана команда досрочно прекращать лов и бежать в другие районы, лишь только «б... корыто» появится на горизонте или экране радара.

«Крепчагинец» возникал ниоткуда, подобно «Летучему голландцу», вызывая панику на мирных рыболовецких судах и суденышках.

– Рыбаки! Комсомольцы! Люди доблестного и нелегкого труда! Сейчас мы спустим баркасы и соберем вас у себя на борту, – гремела над морем громкоговорящая связь (капитаны по УКВ умышленно не отвечали).

Девушки на палубе «Крепчагинца» приветливо и вожделенно махали платочками, мечтая осчастливить рыбаков, конечно же, комсомольским инструктажем. Но хмурые капитаны выбирали тралы, в прямом и переносном смысле «сматывали удочки», врубали «вперед полный» и скрывались в морском просторе. Некоторых судно-призрак, истошно голося на весь Тихий океан, длительно преследовало...

Девушки-комсомолки платочки, которыми махали, повязывали на пиратский манер, пряча под ними волосы, и были готовы ринуться на abordаж в случае успешного завершения погони...

Н-да-с, основной инстинкт, ничего с ним не поделаешь, батеньки вы мои... А помножьте его еще на мужское пренебрежение и оскорбленную женскую гордость... Алжирские пираты и то гуманнее относились к экипажу захваченного судна.

Уловы рыбы катастрофически падали. Это «Крепчагинцу» мы были обязаны исчезновением из магазинов тихоокеанской сельди и заменой ее на иваси. Сельдь требует внимания, длительного поиска, а тут, извините, взяли то, что мимо проплывало.

Пришлось рыбацкому руководству идти на поклон к военно-морскому руководству: мол, так и так, мы совсем пропадаем, а ваши рыбу не ловят. Может, возьмут на себя активисток комсомольско-молодежного движения?

Руководство флота согласилось взять, но только под себя. Имеется в виду не «миссионерская» поза, как некоторые из вас, в силу испорченности, подумали, а вещи более прозаические. Маршрутом и заходами «Крепчагинца» руководит флот, а ремонты, солярку и все остальное обеспечивают рыбаки. Хлопнули по рукам, выпили по рюмочке, расстались, довольные друг другом. Руководство заходами поручили опытным в деле молодежного просвещения, в том числе и полового, работникам комсомольского отдела Камчатской военной флотилии.

И начался вояж знаменитого судна вдоль побережья, где базировались корабли военно-морского флота. Вздрогнули вулканы, пытаясь сделать то, что многократно происходило в гарнизонах, а снег сошел с сопок. Вулкану извергаться положено в определенные периоды. Моряк извергается постоянно, беспорядочно и хаотично в зависимости от того, что приснилось, прикидилось, или куда (в кого) удалось вструмить. А уж выбор был!

Девушки, которые недавно сами набрасывались на гражданских моряков, просились домой. Военные моряки не соглашались и продолжали неистово вструмлять.

Есть мнение, что развал Военно-Морского флота СССР, в частности Тихоокеанского, начался не с горбачевского «потепления», а с «Крепчагинца».

Как и рыбалка, боевая подготовка пошла насмарку...

Политотделы на метр были завалены жалобами жен, карающие мечи парткомиссий заржавели и затупились от крови жертв основного инстинкта. Комсомольский отдел Камчатской военной флотилии тоже устал. В частности Сева Станковский, мой названный и неоднократно «молочный» брат, планирующий заходы.

Химик, ну что опять у вас? Как так «молочный»? Объясняю. Когда холостые мужчины грудь одних и тех же женщин ласкали, они такими братьями и становились. Да не записы-

вайте вы, женаты мы уже, не дай бог, листик ваш женам попадет... Старпомы, уймите его, пожалуйста, только не сильно. Чуть нить рассказа не оборвал...

Когда становилось совсем невмоготу, я набирал его, Севин, телефон.

– Сева, привет, я. Что у тебя с «Крепчагинцем»?

– Ищу, куда б его подальше заслать.

– По этому поводу и звоню. Куда-куда, к нам. Сам знаешь, база отдаленная, лодки, сопки, пять домов да три казармы.

– Что, опять к тебе? Две недели не прошло...

– Выручай, брат! Жена уже месяц в Киеве...

– Ладно. Понимаю. Будет. Жди. Но за это выполнишь поручение, секретное. Слушай...

Я связался с тральщиком брандвахты, на котором служил мой друг.

– Косточкин, привет! Завтра просись к стенке, комсомольский актив учить.

– Ура, неужели опять приходит?! Ну, Сева, ну, молодец! Второй месяц у вас сидим!

– Да, но сильно не радуйся. Задание нам, от Севы. Все при встрече. Конец связи.

Ясное и солнечное утро ознаменовалось громкой музыкой и силуэтом белого парохода, входящего в бухту, где базировались наши лодки. Народ радовался, но по-разному.

Около политодела появились первые женщины, требующие приема у начпо. Они, женщины, всегда все замечали первыми. А угрозу семейному очагу чувствовали кожей, миль за двадцать. Особенно после прошлого визита «Крепчагинца» к нам и встрече мужей, «после экскурсии по кораблю», ранним утром.

Даже оперативный опоздал против них с докладом.

Начальство выражало недовольство. Неискренне, но настойчиво. Пока судно швартовалось, парткомиссии было объявлено казарменное положение.

Дела с формулировкой «За аморальное поведение» ждали только вписывания фамилий. Карающий меч уже лежал на столе. Секретарь парткомиссии иногда крутил его за рукоятку, поглаживал лезвие, а потом укладывал на место, напряженно покашливая. Было принято решение допустить на судно личный состав срочной службы и холостяков. На пирсе выставить вооруженную вахту. Время пребывания на борту – два часа, после – смена комсомольского актива. Отставших замам искать лично. Утром пароход отправить.

Ура, в нас, в замов, верят! А жена-то в Киеве!

Начпо звонил в политотдел флотилии и впервые в жизни с ним ругался. Сева, дежурный по флотилии, вяло отбивался...

Скандал, одним словом...

А многим – радость! А мне! И Косточкину!

Косточкин со своим с минером сидели у меня на кухне и пили виноградноблочный сок, несмотря на наличие молочной двадцатипятилитровой фляги со спиртом.

Это на вечер. Фляга. Выпьем, не сомневайтесь. Сейчас Севу выручать нужно. Просил избавиться от «Крепчагинца» навсегда, но без жертв.

– Предлагаю посадить «Крепчагинца» на мель. Мы ночью буи переставим, выход из бухты – всего сорок метров. Пусть постоит, это минер.

– И месяца три с мели не снимем, нет у нас буксиров и спасателей. Ага, а мои бойцы вплавь будут добираться, утонут – а с кого спросят? Может, им под гирокомпасы топоры подложить? Помните, «Пятнадцатилетний капитан», Новая Зеландия? – это я.

– Есть решение, мужики, – это Косточкин. Не зря подпольная кличка Мозг.

Одобрили. Звоним Севе. Он рукоплещет и кричит, что следующий визит в ресторан «Авача» за его счет. И немножко за счет Морпорта. Мы милостиво соглашаемся.

Вечер прошел как надо. На «Крепчагинце». Я так устал контролировать активистов, что валился с ног. А как многое осталось неохваченным, например, та рыженькая из методкабинета...

Утро. «Крепчагинец» отваливает от стенки. На пирсе усталые, но счастливые, комбриг с начпо. Тоже всю ночь порядок контролировали...

Опять браваурная музыка, пароход отошел метров на тридцать от стенки. Что? Опять швартуется?

А, вот причина: с тральщика выскакивает минер и какая-то девушка с растрепанными волосами, слева в прическе перышко от подушки застряло... На борт просится. Девушку забрали, пошли на выход. От минера отказались.

Начпо дерет Косточкина, вызвал с тральщика: «Опять вы все здесь разлагаете?!»

Минер скромно прячется... Я тоже. Косточкин разлагает.

Кстати, больше их тральщик к нашим пирсам никогда не подпускали, даже за водой, как бы я ни просил.

Зато штормовые участились: брандвахта ветер меряет...

Дальше будет страшно. У кого с нервами и мозгами не в порядке – лучше пропустите.

Химик, химик, я сказал «с мозгами». Куда пошли-то? Оставайтесь, вам не грозит.

«Крепчагинец» подошел к Авачинской бухте.

– Добро на вход нет в связи с общефлотскими учениями. Следуйте в Магадан.

Сева потирал руки. Решение Косточкина было простым и гениальным: «Не пущать!»

Сбрось проблемы дальше. А Тихоокеанский флот, ой, какой большой!

Магадан: «Общефлотские учения продолжаются. Следуйте южнее».

И пошло-поехало: Шумшу, Парамушир, бухта Ольга, бухта Владимир, поселок Тихоокеанский, Владивосток, Камрань и т. д. Говорят, «Крепчагинец» видели, когда он японские сети с красной рыбой выбирал в нашей зоне ответственности. А есть-то надо! А топливо? Какое-то время они маскировались под плавбазу...

Так и пропал белый пароход, отвергаемый всеми портами, в просторах мирового океана...

А все довольны были: и Сева, и начальство, и мы, и, наверное, девушки. Устали они от нас. Но не поручусь.

Говорят, многие моряки видели, как из морской пучины, светясь огнями и гремя музыкой, стряхивая воду с палуб и водоросли с бортов, появляется трехпалубный красавец белый пароход... Вдоль борта девушки в косынках и с абордажными крючьями... И горе тем, кого они догонят. Не девушки то – суккубы... Горе оказавшимся рядом...

Помните, что колокол Ллойда звонит почти каждый день... Это «Крепчагинец»...

Впрочем, у меня, как всегда, собственное мнение. На днях телевизор смотрел. Сомалийские пираты! Ха-ха!

Химик, это для вас, доверчивого...

Была там наша база, на Сокотре. Острове инопланетных растений, неземной и чуждой красоты. Сколько там боевых кораблей скопилось? А результат? Правильно, никакого. А почему? И никто не стреляет? А потому что женщины. Мое мнение. Ну и где еще «Крепчагинцу» быть? Не верите? Там он. Дошел. Обосновался. Нет?

А чего военно-морская группировка России бессильна? А почему у пиратов обводы шлюпок настолько знакомы? И из-под краски на носу пробивается: «Кре...» И лица я вчера узнал. Ух, эта рыженькая в косынке...

Параллельные миры, или Разговор в каюте

– Эх, а все-таки хороша у нас была холостяцкая лейтенантская жизнь! Это потом существования в юбках вмешались, все испортили. И наш инстинкт к продолжению рода, черт его бери...

Служишь на Камчатке, на красивом белом корабле. Деньги есть, делиться ими ни с кем не надо. Отдельная каюта, островок независимости. В кают-компании кормят, и вкусно. И четыре раза в день. Кино, понимаешь, три раза в неделю. И никаких тебе «а ты билеты купил? А моя шубка уже не модная, в чем мне идти?» Сидишь в куртке, смотришь себе... А если попку Яковлевой в «Экипаже» не рассмотрел, скажешь киномеханику. Он перекрутит назад и повторит пикантный эпизод.

Компания хорошая, интересная в общении, спешить никуда не надо. Дети по ночам не орут. Никаких пеленок. Во время «большого Сиды», с пятницы по понедельник, – преферанс в каюте помощника командира по снабжению, возлияния без излишеств, деликатесы консервные. Ну сосиски, компоты, севрюга в томате, которую в магазинах не продают, карбонат, икорка. Рубашки, 22 коп. за штуку, стирает матрос, заведующий прачечной. Носки и трусы можно не стирать, а выбрасывать в иллюминатор, одевая новые, с бирочками, купленные про запас в поселковом магазине.

Все по распорядку, не то что дома. То «кран потек, сделай», то «мусор вынеси», то «к маме хочу». Одни проблемы.

А на корабле краном трюмный займется, мусором – матрос, приборщик каюты. И про «маму» только в беспокойном сне в кубриках кричат. Хотят к ней, конечно, но терпят.

И пусть личный состав создает проблемы, но им, в отличие от жены, можно управлять.

А на берегу... Песня!

Передвигаешься быстро, на такси. Все успеваешь. Одно плохо – вечно перчатки в машине забываешь, новые покупать приходится. Каждую неделю.

А зам после трех недель «Сиды» за него дает три дня, в лучших военных традициях, – на разграбление города.

Беру только натурой.

На голове пушистая лисья шапка Сереги трюмного, под его же нейлоновой японской сине-красно-желтой нейлоновой курткой – военный альпак. Брюки, соответственно, флотские. Гостиница и ресторан «Авача».

Папоротник соленый и маринованный. Салат из кальмаров. Чтоб мясо и рыба были – не помню. Напьешься, потанцуешь, «снимешь» кого-нибудь.

Иногда подерешься для развлечения и разнообразия. А тебе потом ссадины нежно промывают какой-то жгучей гадостью... А потом наградят собой...

Эх, жизнь была! Приключения, понимаешь.

Какие? А вот в качестве примера.

В такси с ночным зеленым огоньком, последнем и позднем, из поселка Завойко, в которое ты подсел, – девушка. И ее голова склоняется на твое плечо, и через минуту вы уже целуетесь и едете к ней. И утром, чтоб не встретиться с родителями, ты выбираешься через окно первого этажа. Так и не узнав ее имя после ночи умопомрачительного секса. Жениться еще рановато. Или в катере из Петропавловска в Приморский получаешь в подарок от красивой женщины шарф, чтоб не кашлял. Пушистый такой, белый, теплый, с коричневыми полосками на концах. И ночуешь у нее. А через месяц страстных встреч узнаешь, что стал молочным братом своего лучшего друга. И не прекращаешь встреч, но с увядшим навсегда желанием на ней жениться... А она хочет замуж и приходит в политотдел... А ты говоришь, что это сестра. Дурит чего-то. А тебе верят... Увлекательно, бодрит. Сразу хочется в море. А жениться не хочется совсем.

Нет, корабль лучше, чем дом. Несомненно. Поэтому многие офицеры из дому на корабль рвались. Или на сход в свою смену не шли. А СПК их по каютам отлавливал и с корабля сгонял с напутствием:

– А не хер так рано было жениться. Теперь терпите. Будьте любезны, на сход, пожалуйста. Или будете наказаны.

И шли, печальные, на сход, завидуя оставшимся.

А как приятно приходит к женатым друзьям на день рождения их сына, принося в подарок барабан и свисток от спасательного жилета! И осуществляя процедуру дарения, не зная, что в этот дом тебя уже больше не позовут!

А в море как интересно! Люди за морские круизы огромные деньги платят. А тебе платят за то, чтоб в море сходил. Парадокс!

Океан тебе загадки выдает. То столбы радужные стоят частоколом до горизонта. Метров по пять в высоту. И сотнями. На форштевне переливы красок.

И рыбалка – чисто мужское занятие: акулы, кальмары, рыбки летучие...

И загорание в шезлонгах, и бассейн с морской водой.

То какие-то огни на закате возникнут вдали, переливаясь розово-зелеными неоновыми точками. Потом сольются в мерцающую стену и помчатся к кораблю со скоростью пассажирского экспресса, поднимаясь в пути до неба, переливаясь неземным и потусторонним, играя красками. Шквал света и цвета. И скорости. И за сто метров от корабля стремительно уйдут под воду. И думай, записывать в вахтенный журнал увиденное или нет. А ноги дрожат от несостоявшегося столкновения... И беспомощности перед непонятным.

А пока ты думаешь, снизу корабль начинают освещать какие-то круги, похожие на колеса от телеги со спицами. И они крутятся!

Ну, запиши, дружок. В дурку поедешь.

А когда об этих чудесах рассказываешь жене, она и говорит:

– Почисти картошку. А я пожарю.

Но бутылочку на стол выставляет. Думает, гормоны.

Пусть думает. Гормоны, понятно, присутствуют. А от гормонов освободишься – на корабль тянет. Особенно после слов:

– А завтра у нас генеральная уборка в квартире.

– Приборка, черт возьми, приборка! Сколько раз повторять!

Нет, мужики! Дом и корабль – миры параллельные. И пересекаться не должны...

Корабль – почти идеальное место в мире, созданное человеком. Почти, потому что женщин на нем нет. А женщины – это единственное, ради чего мы на берег возвращаемся. За загадочных и непознаваемых, красивых и не очень, обманутых и обманувших нас, желанных и ненавидимых, за проклятых и любимых, крадущих нас у моря и у нас самих для себя!

Ну, за них, за женщин!

Чего бурчишь, старлей? Зачем я тему сменил под конец? Да я в теме, это ты ничего не понял.

Огурчик-то бери, накалывай. Закусывать обязательно надо...

Загадка

*Автор сюжета – капитан 1 ранга Колбасин В. В.,
ветеран 5 ТОГЭ*

Военно-морской порядок на нашем соединении поддерживался очень жестко. Дежурным по соединению приходилось изошряться и придирается к каждой мелочи, чтобы найти недостатки и занести их в журнал. Система отлажена, все расписано. Более того, все, что расписано, выполняется процентов на 95.

Утренний доклад дежурного по соединению в понедельник о замечаниях (в том числе и за пятницу-субботу, составленных предшественниками) за выходные не предвещал ничего, кроме обычного легкого недовольства начальства, вызванного замечаниями типа: «помещение вентиляторной не опечатано («Чукотка»), помещение прачечной не закрыто, вахтенный на юте старшина такой-то нес вахту при расстегнутом верхнем крючке тулуца («Спасск»)…»

Командир соединения, контр-адмирал, подавив позыв к зевоте, приготовился оборвать скороговорку дежурного. И вдруг чуткое адмиральское ухо уловило крамолу: «...место ПСУ не определено, заведующий вместо уволенного в запас матроса Прохорова не назначен («Сахалин»)».

– Стоп! – взгляд адмирала, налившись нехорошим, выбирал жертву. Нависла зловещая тишина. Флагмана перестали дышать и потупили взоры. Адмирал, не мудрствуя долго, нанес дежурный удар:

– Флагманский механик?

– Никак нет, не мое! У меня ПСО (пост санитарной обработки) и ПЭЖ, может, штурманы не доглядели?

– Товарищ адмирал, ПСУ – не наше заведование! Это наверняка НК (измерительный комплекс)! Это у них всякие переносные специальные устройства! А у нас порядок!

Начальник НК перевел стрелки на метеоролога.

ПСУ летало от флагмана к флагману, как футбольный мяч, не желая вписаться ни в одну службу.

– Хватит! – адмирал ладонью припечатал спор. – Начальник штаба! Подготовить приказ по соединению о вопиющем безобразии на «Сахалине»! Также подготовить приказ о проверке ПСУ на всех кораблях соединения, назначении заведующих, закреплении ПСУ за соответствующей службой или боевой частью. Связаться с представителями науки, затребовать подробные инструкции по эксплуатации и возможности размещения ПСУ в одном из боевых постов.

Уточнить, как долго оно у нас на кораблях, вплоть до даты постановки на вооружение. Кстати, флагмех, оно, это ПСУ, насколько мне помнится, не очень большое?

Механик впал в ступор. Самое страшное, что он, как и другие флагмана, не только не помнил как оно, проклятое ПСУ, выглядит, но и не представлял, что это такое. А механик обычно знает все и даже немножко больше.

Адмирал уловил это по затуманенному мыслью взгляду. И с недоумением для себя понял, что тоже чего-то не знает в родном соединении, знакомом до последнего винтика, приборной шкалы и последней матросской «шхеры». ПСУ не желало возникать в памяти. Это раздражало, напоминало о возрасте и, очевидно, о надвигающемся склерозе.

Пришлось прибегнуть к испытанному:

– Так... Хороши у меня флагмана... Обленились вконец, заведования не знают, обстановку на кораблях не отслеживают, а там секретная аппаратура бесхозно валяется. Начальник штаба, а подготовьте-ка зачетные листы товарищам офицерам... Кстати, кто там у нас вскрыл

почти воинское преступление? Надо бы дежурного поощрить и поставить в пример. И полит-отделу работы масса.

Начпо согласно закивал головой:

– Подготовим доклад к очередным сборам партийного и комсомольского активов.

Виновных привлечем к партийной и комсомольской ответственности. Передовой опыт обобщим.

Начпо было проще и легче. Он и не пытался вспомнить, что такое ПСУ. Потому что твердо помнил, что не знает, что это такое.

Вдохновленные разносом и предстоящими зачетами флагмана дружным отрядом бросились к трапу многострадального «Сахалина», по пути, еще на пирсе, разматывая нагайки и щелкая батогами. Насилие началось. Седые командиры БЧ и начальники дивизионов рыдали как дети, но отказывались взять на себя ПСУ. Как партизаны в гестаповских застенках.

Экзекуция продолжалась до обеда. Когда флагмана, утомленные поркой и вытирая ставшую мягкой от чужой крови кожу плетей носовыми платками, сошли на пирс из подъехавшего автобуса выскочил виновник переполоха. Он отдыхал после вахты.

Флагманские обступили его плотной стеной. Сыпались поздравления с поощрением за зоркое дежурство. Потом кто-то, кажется, механик, все же отважился:

– Коля, скажи, где ты это ПСУ нашел? Мы до обеда искали, не нашли, даже командование корабля темнит, дело-то чуть ли не снятием для них пахнет, наверное, спрятали.

– Какое ПСУ?

– Ну, о котором ты в замечаниях написал. Секретное.

– Да ничего я такого не писал.

Механик начал раздражаться, другие плотнее сомкнули кольцо. Ишь ты, мало ему того, что перед адмиралом прогнулся таким козырным замечанием. Хочет лично командиру соединения доложить, где ПСУ стояло. А он нас потом опять драть? Не выйдет!

– Цитирую: «Место ПСУ не определено, заведующий не назначен». И подпись твоя, Коленька. Колись, гад, где ПСУ!

– Да ну вас! Вот вы о чем... Иду в нос, а посреди коридора сахалинский Тобик разлегся, не переступить, еще и рычит. Не собачка, как на «Чажме» Матрос, а здоровенная псина. Вот я заглавными буквами о нем и написал: «место ПСУ не определено...»

Кольцо флагманов сомкнулось. Кажется, вахтенные на юте видели, как свершился жестокий самосуд. Но они люди молчаливые, суровые, из них даже инструкцию клещами надо вытягивать, так что никто ничего не узнал.

Кто доложил адмиралу, третий час перелистывавшему формуляры кораблей, и что с ним было, тоже неизвестно.

Зачеты флагмана все же сдавали.

К чести адмирала, ни один пес с кораблей списан не был. Как их списать, если они все расписания корабельные и сигналы тревог знают, на подъем флага никогда не опаздывают, в строю сидят на задних лапах, а передней честь отдают, да и служат пожизненно. Вон, Тобик, когда у соседей-подводников ракетное топливо утечку дало, как и мы, в противогазе бегал. Говорят, сам надел.

А приказ, подготовленный НШ, был выполнен. Каждому ПСУ определили место. Вот только псы неграмотными были и продолжали спать там, где им нравилось...

Веники

Корабли нашего соединения, 5 ТОГЭ, были уникальными. Во-первых, на них не было оружия. Во-вторых, по значимости выполняемых задач они приравнивались к «стратегам». В-третьих, там служили замечательные люди, настоящие моряки. «Чажма» и «Чумикан» – большие корабли «с шарами», имели автономность шесть месяцев. Или даже восемь. Наши «малыши»: «Сибирь», «Сахалин» «Чукотка», «Спасск» – четыре месяца. И уж поверьте, мы отработывали свою автономность до последнего дня. Никто в ВМФ СССР, ни одно соединение, ни один корабль, не были в море столько, сколько 5 ТОГЭ. И большую часть времени корабли проводили не в теплых водах у экватора, а в сороковых широтах Тихого океана, прозванных «ревущими». И, как правило, в период штормов. Самые моряцкие из моряков моряки. В-четвертых, организация службы была очень жесткой и требовательной. Хотя... Старпом мог драть личный состав, щеголяя перед строем в бежевых шортах с вышитым солнышком на заднем кармане. Ну, это, понятно, в теплых широтах. А матросы могли лазить по кораблю в плавках. Суть «дера» от этого не менялась.

Кстати, у нас на верхней палубе был бассейн, сваренный во время ремонта во Владике. Этакая емкость 3><6х2 м. По утрам в нем плавал старпом, потом я. Остальные ленились и спали. А еще на каждом корабле был клуб. И командирский салон. И еще много чего.

Должности тоже были странными: начальник станции единого времени, заместитель командира – начальник измерительного комплекса, начальник телеметрии, начальник гидрометеослужбы, врач-стоматолог и проч.

Но, повторюсь, все корабли были первого ранга с крейсерской организацией. Да и само соединение носило характер какого-то закрытого ордена, типа иезуитского. Попав туда лейтенантом, можно было служить всю жизнь и оттуда уйти на пенсию. Офицеры перемещались по должностям только внутри соединения. Пришлых со стороны я вообще не помню. И если ушел – назад дороги нет. Кем бы ты до этой попытки возвращения ни служил.

А место мы определяли не только по «Лоран-С» или «Декке», но и первыми среди надводных кораблей по спутнику. Уже в 1979 г.

И в гостях у нас перебивала половина «Звездного городка» и даже начальник ЦУПа. О других и говорить не стоит.

Что, все прониклись?

А зря. Ничто человеческое нам, таким полубогам, было не чуждо.

Стояли мы рядом со «стратегами» из Рыбачьего, которые загружались ракетами на нашем пирсе.

Вот уже четыре дня подводники большими группами ходят в лес и возвращаются к обеду. Потом опять в лес и приходят к ужину. Нас это очень заинтересовало. Послали лазутчика. Он донес, что подводники режут и вяжут банные веники. Этакая централизованная заготовка полезного сырья. А подход серьезный, как при сборе урожая. Военные всегда колхозникам помогали урожаем собирать.

Меня всегда это удивляло. Ну посеешь столько, сколько собрать можешь и сохранить. Нет, сеем и сеем. Никто прогнозов не делает. Потом – на тебе, выросло! Много! Давайте, братцы военные, выручайте. Пропадет ведь!

Братцы-военные выручали, а потом зерно «сгорало», силос портился, картофель гнил. Хранить-то негде. И так каждый год. И формировались целинные батальоны, и снимались с должностей офицеры, и списывалась разбитая пьяным водителем о единственный, чудом сохранившийся в радиусе ста километров столб, одиноко стоящий в степи, военная техника. Офицеры снимались именно за дальнорукость или близорукость подчиненных, этот столб нашедших.

Ну, это я отвлекся.

Сауна на корабле, естественно, была. Вот только старпом веники не любил. Грязь, говорит, от них, листья шпигаты забивают, трюмным работа лишняя.

В общем, не заготовливали мы веники. Что ж, повздыхали, позавидовали подводникам и тому, что у них старпомы такие хозяйственные, мудрые... А главное – человечные. Помянули незлым, тихим словом нашего. А то, не дай бог, услышит ропот на галерах. Накажет соответственно.

А подводники все работают. А мы все завидуем.

И вдруг...

Завыла сирена, началась суета на пирсах, где лодки стояли, народ подводнический из лесу сквозь кусты промчался с пустыми руками, с сопки скатился, отдал швартовы, задраил верхние рубочные люки и исчез в тумане голубом...

Мы поняли, что удача на свете есть.

Иду к заму. Делегирован.

– Олег Павлович, разрешите на час в качестве поощрения сводить комсомольский актив в лес, увольнения ж запрещены. Человек 10.

Зам знает все, но прикидывается. Ему всегда мои обоснования нравились.

– Возьми пятнадцать. И не просто активистов, но спортсменов. Быстрых и сильных. И идите, но в «адмиральский час», пока старпом спит. А с ним потом я сам поговорю. Ишь, трюмные у него перерабатывают...

Зам, украинец, тоже любил веник в баньке.

Поднимаемся на сопку. Березки, дубки, кустики. А наверху – огромная поляна. А на поляне веники. И просто березовые, и просто дубовые, и дуб с березой, и ветки нарезанные, еще не увязанные. Сотни веников! Богатство! На «шару»!

Первую «ходку» мы сделали с кипами веников в руках. Я понял, что такими темпами не успеть ко времени пробуждения старпома. Пришлось расставить людей цепью от поляны до корабля. Дело пошло гораздо веселее. Огромный «стог» бегом заносили на корабль и прятали в «недрах». Подобрали даже не увязанные ветки. Мы ими потом пол в сауне застилали. Запахи, скажу я вам! А как приятно не по кафелю ступать, а по распаренным листикам и веточкам...

А у каждого офицера и мичмана в каюте штук по 20 веников, у матросов в кубриках чуть более. Их же больше.

А зам слово сдержал, убедил старпома в пользу баньки с веником. Тот смирился. Зам ему даже брошюру о русской бане подарил. Правда, я потом видел, с каким лицом старпом ее за борт выбросил. Но заму я не сказал об этом. Честно.

Понятно, если б подводники пришли, мы б им веники отдали. Вы ведь мне верите?

Но они пришли, когда мы уже отдали швартовы и отваливали от стенки.

Горестные крики «заготовителей», которые сразу же бросились в лес, были слышны еще с полчаса. Даже на середине бухты... И преследовали нас в кошмарных снах. Вспоминали нас, видать, часто. Хорошо, не проклинали. А мы были им искренне благодарны. Особенно по субботам, когда помывка.

Простите, ребята. Низкий вам поклон. Нам ваших веников почти на год хватило. А лес большой, веток много...

О большом и малом

*«Локальные войны преследуют локальные и меркантильные цели,
и только мировая война имеет целью установление мира, на то она и
мировая»*

Я?

«Сатане», «Синева», «Булаве» и уже с ними посвящается...

Провода связи ЗАС даже не дрогнули в силу своей металлической природы. Не вздрогнул и человек, принимающий телеграмму. В силу своей человеческой природы.

«Белье воротнички» наконец-то совместили теорию с практикой. Благодаря труду сотен рабочих крючки формул превратились в реальное, мощное, сигарообразное тело ракеты с десятком разделяющимися боеголовками.

Одна ракета – десять городов, стертых с карты мира навсегда. С домами, скверами, школами, магазинами, барами, жителями, их детьми, и даже курами, собаками и кошками...

Осталась сущая малость – провести последние испытания ракеты перед постановкой на вооружение и ее законным «вступлением в должность» терминатора мировой патриархальности.

Генсек одобрил и благословил. ЦК взял под свой контроль.

В газетах и на бумажных лентах корабельных «телетайпов» появились строчки: «ТАСС уполномочен заявить, что районы столько-то градусов широты, столько-то долготы, с такой-то по такую-то дату закрыты для судоходства и рыболовства...»

Причина не сообщалась. А зачем? И кому докладывать причины? Может, тем жителям, на которых эти 10 боеголовок будут направлены? Да не смешите...

Ракета, перевозимая от базы и накрываемая брезентом во время пролета вражеских спутников, успешно заняла свое место в шахте АПЛ. АПЛ заняла свое место в районе стрельбы.

Судно «Гломар Челленджер», маскирующееся под нефтеразведчика, приняв телеграмму ЦРУ, срочно вышло из ближайшего американского порта в закрытый район.

* * *

Мы тоже приняли телеграмму из ГШ ВМФ.

Оказывается, на Камчатке есть мыс Африка! Идем туда...

Командир ставит боевую задачу: северяне стреляют новой баллистической ракетой, то-се, задача государственной важности. Проникаемся.

А у нас великое с мелким рядом шагают, как большей частью в жизни и происходит.

Я уже говорил, что командир был мужественным человеком, моряком до мозга костей, выходившим в море сотни тысяч миль, знавшим в совершенстве технический английский, бывшим на «ты» с кораблевождением и всем, что положено знать и уметь командиру. Вот только фамилия у него была не очень мужественная – Кролик.

Кстати, сегодня в первый раз за неделю командир отобедал в кают-компании. Все предыдущие семь дней питался в салоне. И хоть там рояль, красный бархат и мореный дуб – скучно ему было. Сидишь один... И музыка из салона несется то грустная, то сердитая: Григ, Чайковский, Бах... А все доктор, заведующий кают-компанией виноват. Поленился меню обновить. Вообще-то, при нем хорошо было: на закуску в вазочке и икорка красная с петрушечкой сверху для красоты и изыска. И манты, впервые попробованные, и картошечка жареная,

и жульен грибной, и три первых блюда на выбор, и два вторых. Ресторан отдыхает. На вечерний чай – молоко, кефирчик, тортики, пирожные, булочки с маком, помимо казенного хлебушка. Сбрасывались на закупки – вестовой журнальчик вел, с кого и сколько денег в конце месяца брать.

Доктор гурманом был, нас приобщил. А до этого кого только не ставили заведующим – не было результата.

Но и на старуху бывает проруха, не то что на доктора. Увлёкся он своими медицинскими делами, и три дня подряд в кают-компании на закуску салат из свежей капусты с маслом подсолнечным, огурчиками. Вкусно.

Но не всем, как оказалось.

Увидев перед собой очередной раз тарелку с салатом, старпом без всякой задней мысли, хотя, может, и наоборот, рявкнул на всю кают-компанию:

– Доктор, я что, кролик третий день капусту жрать?!

Пауза. Вилки замерли на полпути ко ртам. Тишина нависла.

Командир со звоном бросает вилку и с «изменившимся лицом» вылетает из-за стола. Как та графиня, что к пруду бежала, помните?

Старпом осмысливает сказанное и краснеет. Он, хозяин кают-компании, обидел гостя. Потом приходит в себя и назначает доктору рандеву в «адмиральский час». Грядет изнасилование и грязное надругательство над эскулапом. Уходит тоже.

Доедаем в молчании. Завтрак у нас по «плавающему» графику, ужин тоже.

А обед – святое действо. И начинается он с того, что старпом приказывает сообщить командиру, что офицеры приглашают его к столу... И это незыблемо. Это как ежедневный подъем флага или завод часов. Не заведешь – не будут шестеренки крутиться. А тут не шестеренки, тут главный механизм засбоил. Все не в своей тарелке.

Извинения старпома, что он не того кролика имел ввиду, на командира не действуют, только распалют еще больше, судя по доносящейся из салона «Героической симфонии». Даже зам ничего не может поделаться. И так пятый день, и шестой.

Доктора уже переизбрали. Из РТСовцев (их у нас много было) того, что потолще, выбрали. Раз упитан, значит, в еде разбирается...

Прибыли через неделю делегацией к командиру:

– Товарищ командир, кают-компания просит и приглашает...

Коллектив он уважил.

Даже у старпома лицо посвежело. А то всю неделю мрачен был, на коллективе «отрывался» в служебное время. Зато эта неделя месяца стоила как в области специальных знаний подчиненным, так и в деле совершенствования корабельной организации, службы и дисциплины.

* * *

Что-то я отвлекся. Ах, да, мыс Африка...

Ну с натяжкой смахивает на карте на «черный» материк. Но только на карте.

Берег неприветливый, пустынный. Скалы голые, серые. Мрачный пейзаж. Как раз для испытаний сверхоружия. Типа вот каким все будет потом, после его применения...

Включили станцию единого времени, определились по спутнику, ждем «подарок».

Зам по РТВ дерет начальника фоторегистрирующей станции. Ага, это чтоб тот случай с горячим проявителем, когда мне фото касаток загубили, сегодня не повторился. А может и за другое, но хотелось бы, чтоб все-таки за касаток. Хотя откуда ему знать о той оплошности...

Группа визуального наблюдения, восемь человек, на самой высшей точке корабля, прямо под антенной РЛС. Сектор 45 градусов у каждого. Фотографируем «Челленджер», он в 5–7

кабельтовых от нас. Настойчивые просьбы удалиться из района игнорирует. Корпус черный, рубка белая, мачты и устройства тоже черные.

Погода спокойная, видимость миль десять.

Ракета на подходе.

Убеждаемся в этом сами: серое, но высокое небо, начинает мерцать короткими тусклыми вспышками по всему видимому горизонту, частота и интенсивность мерцания увеличивается, слышен нарастающий гул, похожий на отдаленные раскаты грома. Подносим к глазам затемненные стекла-светофильтры. А может, и так смотрим?

Сквозь серое небо видна маленькая яркая светящаяся точка, как маленькое солнце. А вот она уже как теннисный мячик, а вот как футбольный. Гул нарастает и становится осязаемым, давящим... От яркого светящегося шара, появившемся в небе, отскакивают светящиеся точки. Как от спички, если ее резко зажечь, отлетает кусочек горящей серы. Точки разлетаются в разные стороны. Фиксируем точку отделения, направление полета, точку приводнения, факт подрыва. Одна падает по носу «Челленджера», вторая по корме. Взрывы. Срабатывают механизмы самоуничтожения. Там килограммов по 60 взрывчатки. Тот резво дает ход и удаляется. Обгадился, супостат. Хотя... Третья «голова-болванка» попадает тютелька в тютельку на то место, где враг только что дрейфовал.

Мы улюлюкаем ему вслед...

Пара-тройка «звезд небесных» взрывается на скалистом берегу. После того, как осела пыль, а ветер разогнал дым, видим все тот же скалистый пейзаж. В нем ничего не изменилось. Радиус разлета «голов» невелик, значит, оружие получилось очень высокоточным. На площадке становится как-то неуютно. Запахло озоном, как перед грозой.

Наверх с ревом матами взлетает мой друг Павлов, гонит всех вниз, а сам исчезает в рубке управления РЛС. Оказывается, старшина с перепуга или недосыпа включил станцию на всю ее мощь в активном режиме. А станция у нас не хилая. Облучил, подлюка. Нас ведут в командирский салон в полном составе. Там мы пишем бумагу: «К Министерству обороны СССР претензий не имеем... Обязуемся не разглашать... В случае ухудшения здоровья претензий иметь не будем. Дата, подпись».

Мы возбуждены увиденным, посему быстро пишем расписки и весело вываливаемся из салона, не думая о последствиях. И чего доктор каждый день потом приставал, о самочувствии спрашивал?

Правда, левый глаз у меня слезиться с тех пор начал и слепнуть, а окулисты все время понимающе кивают головой: «Ну, понятно, батенька, Чернобыль...»

Но все это случилось потом, когда ни корабля, ни Министерства, ни великой страны уже не было.

* * *

Если Париж стоил мессы, то мир стоит благодарности Генсека?

Конечно стоит. Мы ее получили. Как и стрелы-подводники. Как и ученые-создатели. Ну перевелись нобели, Оппенгеймеры и другие, которые раскаялись в содеянном. Счастлив тот, кто не видит и не ведает, что творит... Как часто ближайшая задача напрочь перекрывает последствия содеянного. Как часто мы не думаем о том, что повлечет за собой нажатие кнопки. Мы ждем только доклада:

– Ракета вышла...

А потом:

– Разделение прошло успешно. Цели поражены.

И ура, и поздравления, и награды, и т. д. и т. п. И это нормально. Не думать о целях. На то они так и названы «цели».

И никто из нас, служивых, никогда не выстраивал логическую цепочку от начала до конца. Себе дороже. Ах, эти увлекательные военные игры... «Стрелялки».

* * *

А мы видели, как она будет выглядеть, третья ракетно-ядерная мировая. Ее Начало. И то, что увидят в последний раз жители городов, о которых я писал... Зрелище увлекательное, грандиозное, величественное неизбежностью, как стихия, от которой некуда деться и противостоять не получится. Такое стоит увидеть, хоть это увиденное и будет последним. И ничто уже не удивит после зрелища. И пусть...

И увидевшим Начало уже не суждено будет увидеть Конца...

И наступит мир во всем мире, похожем на безлюдный мыс Африка...

Голос вечности

Старый ПАЗик хлопнул дверьми, выплюнул лейтенанта на 25-градусный мороз, недовольно фыркнул, испустил облако бело-синего выхлопа и, вильнув «кормой» на гололеде, повлек свою несуразную тушку в сторону поселка...

Лейтенант бодро прокашлялся, вдохнув ядовитые пары бензина, и зашагал в сторону части ракетчиков. Подумаешь, километр! Дыхание ровное, пять лет курения для легких – тьфу, кальсоны, шинель длинная, «солидная», ботинки на микропоре! Раз-два, раз-два!

Заснеженная дорога лентой, иней от дыхания оседает белой манишкой на груди и воротнике шинели. Пар клубится. Раз-два! По обеим сторонам дороги – деревья в инее, снег январский, слежавшийся, тускло отсвечивает гранями крупных кристаллов. Солнца нет, видимость – метров пятьсот от белого дрожащего марева туманно-морозной дымки.

Раз-два! Каждый шаг сопровождается ужасным, рвущим барабанные перепонки, хрустом. Вроде, как медведь ломится через стланик. Раз-два... Шаг замедляется сам от ирреальности тишины вокруг. Тихо, очень тихо, тихо до ужаса! Хочется пойти на цыпочках... А все равно – ХРУСТЬ! Ни одного постороннего звука. Лейтенант остановился. А нетути звуков! То ли замерзли, то ли умерли? Шаг – и дикий хруст с повизгиванием микропора о снег. Стоишь – тишина вселенская. Даже курить не хочется, давит что-то, опаску вызывает. А как здорово покурить на ходу вопреки уставу и точно зная, что никто не увидит! Впрочем, холодно, фильтр сигареты как камень, дым не вдохнуть, такой холодный, бросить ее, лишь прикуренной, и идти. Никакого удовольствия... Безумно-глубокая тишина!

Вот оно, белое безмолвие Джека Лондона! Страшно! Скорее к людям!

Хрусть-хрусть, хрусть, хрусть-хрусть-хрусть! Сейчас можно и бегом, пока никто не видит, не теряя достоинства! От Безмолвия!

А что это черненькое белеется вдали?

А холодно!

Да, микропор не валенки. И кальсоны кальсонам рознь. Ведь есть же в шкафу, на корабле, теплые, с начесом, нежно-голубые! Нет, эти одел. Тонкие. «Те» фигуру равняют – плечи с тазом. Толстые! А мы ж вечером в ресторан! А там девушки! А будут плечи по ширине что таз! Что за фигура? А они гораздо шире! Плечи... Это из-за кальсон! И что, каждой объяснять? А поймет ли? Поверит? А как раздеться? Свет выключить? А если я со светом люблю? А если она по внешним признакам выбирает?

Елы палы! Черно-беленькое... Вороны облепили холм. Штук семьсот. А может, и тысяча. Сидят, не летают, холодно. Мороз плюс ветер в полете. Обмерзание крыльев и элеронов. А без элеронов куда? В пике? Умные...

А на Камчатке вороны не в пример материковым. В два раза больше и клюв, как рука взрослого мужчины от локтя до кисти... Сущие звери, хищники. У нас в Бечевинке как маленькая женщина австралийской баранины купит, так они у нее мясо прямо с «авоськой» из рук выхватывали. Штук семь крыльями по голове бьют, штук пятнадцать сверху заходят, три-четыре самых наглых флибустьера из рук авоську рвут. Женщина рыдает, отбивается, муж голодный, а они довольны! Вороны – умные животные! Опасные!

И смотрит лейтенант: никуда не денешься, по обочинам снега метра полтора-два... Не обойти... Только мимо холма. А там вороны.

Кто из вас, товарищи офицеры, видел тысячу голов, повернувшихся одновременно в вашу сторону на хруст, две тысячи глаз, горящих ненавистью, и свою оценку: «Мясо!!!»?

Ой, ой, не надо этого героизма!

Лейтенанта обдало холодом чужой запредельной жизни... Даже помойки под толстым слоем снега... Мясо... Конец. Зачем он согласился передать эти документы в штаб ракетной части?

А офицер не сдастся никогда! Даже смерти! Даже такой неприглядной! Представьте приказ главкома: «Заклеван воронами до смерти...» Прочь, воронье! А умирать так рано! Есть же выход... Где? Я его знаю!

И лейтенант перешел на строевой шаг! С равнением направо! На воронью стаю! С лапой у уха! Погибать так с музыкой! Зря, что ли, три года знаменосцем училища был и палашом махал при подмене! Выше ногу! Носок на оттяжку! Локоть выше! И подбородочек, подбородочек!

На вершине холма сидело нечто. Оно было на полголовы выше любого из воронов. Его перо, под белым инеем, отливало зеленью, не синевой... А еще у него была борода. Пахан... Нет, скорее, главком... Главкому было лет сорок. Что? Не живут? А откуда мудрость? И кто считал года? Главком ворон внимательно смотрел на лейтенанта. Оценивая. Строевой шаг был красив и четок. Главкому понравилось. Он белькотнул. Не каркнул! Наверное, так большие начальники и говорят. Хрипло и ответственно. Никто и никогда, наверное, подобного звука не слышал, кроме черных пернатых нукеров. Белькотнул слабо сказано. Это были перебивы власти и самодовольства, уверенности в себе, жесткости и мягких полутонов, прощения и пощады. И он не просил – приказывал. Так, что мурашки по коже! Послушают ли? Лейтенант вдруг понял все, что сказал старый ворон.

– Не ссы, лейтенант. Мы – не люди. У нас строго... с субординацией. Иди. Ты мне нравишься. Ишь ты, строевой шаг... Хорошо... Иди, сынок, служи. Ты еще нужен родине....

Спасибо тебе, неизвестная науке птица! За мудрость, за жизненный опыт, за любовь к строевому шагу! За неординарность и возможную сытость! Паханы и главные ведь вроде не голодают?

Вороны отвернули головы, погасив алчность в глазах. Никакой ненависти. Нейтраль. Проходи. Старшой сказал. Воздух, пропитанный с ненавистью и неизбежной кровью, вдруг опять стал свежим и морозным.

И лейтенант прошел. Строевым шагом. С неизвестно откуда взявшейся благодарностью к пахану». В душе. И медленно проходящим страхом за жизнь. Лишь бы не обернуться и с шага не сбиться... Пот по спине, жарко!

На той дороге недели за две до того пропали бесследно капдва, мастер ракетных пусков, и толстый командир БЧ-4 с РПКСН. Наверное, строевым ходить не умели или пахану не понравились. Не верите? Да и не верьте. Приказа-то главкома не было...

Назад лейтенант ехал на автобусе. Вечером. Второй раз нельзя. Судьба, она тоже женщина. Не простит... Не испытывай.

Высокая вероятность событий, или то, чего не было

Почему я не лезу решать глобальные проблемы? Веры, мироустройства, героизма и предательства, подлости или полезности политиков, будущего флота и его вооружений, экологии, глобального потепления и угрозы инопланетной агрессии? А потому, что одну личную никак не решу...

В качестве эпиграфа:

«Корр.: что вы чувствуете, стреляя в живых людей?

И.: Я чувствую отдачу.

Корр.: И вы считаете свой взгляд верным?

И.: Куда ж вернее? Я ж через оптический прицел смотрю...»

Несостоявшееся интервью

Нам добро на вход в Босфор. Ночью с корабля сняли особиста – острый приступ аппендицита. Нового не прислали.

Все как по маслу.

Вдоль борта корабля медленно плывет Стамбул. Свободные от вахты матросы толпятся на баке. Фотографируют. Командир разрешил выдать фотоаппараты. Потом помощник их опять заберет. Нельзя нам ими на службе пользоваться. Инструкция. Купол Айя-Софии с минаретами, лавки, выходящие прямо к воде, нависающие над набережной дома. Суету людскую, пеструю. Мост, под которым корабль проходит. Длинный.

Я тоже фотографирую. Знакомые лица ребят в синих робах какие-то чужие. Нет, еще не время...

Хотя берег так близко...

Я тоже в робе. Матрос Петров. А вот и замполит. Шутит, говорит что-то. Улыбаюсь, но не слышу. У зама в «тропичке» под рубашкой и резинкой трусов – пистолет Макарова. Прицельный огонь – 25 метров. Жарко. Потеем. Слышал, даже живот у него в ржавчине от «машинки». Учсть эти метры.

А он шутит. Нормальный вроде мужик. У него инструкция по проходу проливов. Стрелять ныряющих за борт. Сам рассказывал. Голову ломит, в висках стучит кровь. Улыбаюсь шуткам. Механически. И чтоб как все. И на зама смотрю. Да, нормальный мужик. На палача не похож. Моего.

Красивый город Стамбул. Чужой. Интересный.

Моя вахта. Ныряю в люк.

Дарданеллы... Справа по борту развалины Гenuэзской крепости. Опять фотографируем. И зам здесь. С проржавевшим от Макарова пупком. Тоже щелкает ФЭДом. Будем выпускать стенгазету. Шутит.

До берега все дальше. Ушли мористее.

И как назло, погода штилевая. Стою вахту...

Говорят, в Бискае всегда шторм. Испания, Франция. Тоже нормально. Я хорошо плаваю. Ставок в селе пять раз туда-обратно переплывал.

Впереди Гибралтар. Не хочу. База НАТО. Враги. На горе – огромный бетонный водосборник. Платформа бетонная, на которой конденсат оседает. И воды хватает на город и корабли. Несмотря на то, что слева Африка. Пески, самум...

Не Севастополь, где вода до сих пор по расписанию.

Фотографируем.

Замполит рассказывает интересно. Уже двадцать две политинформации провел. Где идем, что за страны и люди вокруг. Исторические справки. Преимущества нашего строя. Мотаю на ус. Справки.

Да, лучше ночью.

Когда этот зам спит? Ну и сволочь! Скоро будет поздно!

Бискайский залив... Длинная волна, зыбун. Это такая длинная высокая волна, но без гребня. Зам объяснил. Море корабль то поднимает, то опускает. И очень мягко, ласково. Но нет никакого шторма. Опять обманули!

В Ла-Манше вода холодная... Скагеррак, Бельты. Нет, там холодно. Сейчас или никогда! Лучше бы, конечно, ночью. Но ночью страшно. И акулы... Нет, днем. И сейчас. У рулевого узнаю, сколько до берега. 10 миль. Ерунда. Я хорошо плаваю. Отпрашиваюсь у старшины команды покурить. Моя вахта ведь. Иду не на бак, а на ют. Зажег сигарету. Затягиваюсь. Сторела до губ от одной затяжки... Волнуюсь. Выбрасываю окурочек. Офицеров поблизости нет. Ну, вперед! Прыгаю за борт...

Вода обдала влажным теплом... Подольше продержаться под водой... Все, воздуха нет. Выныриваю. Корабль удаляется. Какая смешная у него корма и силуэт, когда смотришь снизу.

Грести, грести! Держать дыхание...

Корабль описывает циркуляцию, меняя курс в мою сторону. Маневр «человек за бортом». Заметили, суки... Это Васька, сигнальщик. Глазастый, сволочь!

Борт уже близко. Стопорят ход. Бросают круг. Я стараюсь отплыть подальше. Удастся. Они спускают шлюпку. Что-то гремит над волнами. ГГС... Слышу только свою фамилию... И слово «спасем» среди матов.

Гребу саженками в сторону берега. Оторваться, забыть!

В шлюпке и замполит. На носу, со спасательным кругом. Хорошо гребут. Догоняют. Грести, не оглядываться... Круг шлепается где-то рядом... Сейчас вот! Не надо меня спасать! Ускоряюсь. К берегу. Прощай, служба! Зам что-то кричит... А пошел ты!

Хлопок. Потом хлопок и шлепок по воде. Впереди меня. Не обращать внимания! Плыву.

Что ж так больно вошло в затылок, как арматурина, горячая до невозможности? И глубоко так... Как больно... Что это? Я уже не плыву, барахтаюсь... И боль не стряхнуть, как того волкодава с заливкой в детстве, когда я за соседскими яблоками лазил...

И голубое море вмиг стало красным, мутным, и сгустки красные клубятся в воде. И руки не слушаются, вялые стали. Сил нет. И больно. В шее, ближе к затылку.

И я, плотнув воздуха, погружаюсь вниз, к холоду. немеют ноги и не слушаются руки... А солнце все дальше. Вода все холоднее. А я все глубже... Шлюпка снизу похожа на таракана с ножками-веслами. Не больше, чем 25 метров до нее. И желтые солнечные блики тускнеют, а воздуха все меньше. Пузырьки воздуха вверх изо рта мчатся... Зачем? За что?

А большой, последний, красноватый красный пузырь... И я – не я... Вдыхаю плотную соленую воду. Сознание меркнет. Очень болит затылок. И все вокруг красное. И черно. Воздуха! Рвет грудь!

Не врал замполит, что хорошо стреляет...

И темно. И холодно... А-а! Ма-ма...

Зам спрятал еще дымящийся пистолет... Сел на баночку. Молчание минут на 20... Зыбун мягко поднимал шлюпку метров на двадцать вверх и так же мягко опускал вниз. Даже корабля не было видно меж волн. Зам видел ужас на лицах матросов. Руки у него тряслись. До этого – нет. Не дрогнула, когда целился. Веселые истории, на которые он был такой мастер, не вспоминались...

Никто не всплывал. Первый разряд по стрельбе... «Сейчас кто-нибудь веслом ударит. Лучше б под руку ударили перед выстрелом. Надо ломать ситуацию».

– Гребем к борту, мужики... Флагшток с военно-морским флагом не ставить. Ему не поможешь...

Весла на воду! Правая – табань, левая – гребни... Обе на воду! Раз-два-а-а... Навались!

Шлюпка ходко пошла в сторону корабля...

На столе, в командирской каюте – два стакана шила. Командир, не увидев флагштока и флага, все понял. Выпили, не чокаясь. Закурили. Пока спирт еще не «взялся», передали донесение. В донесении было написано: «В точке фи-лямбда матрос Петров при проведении общекорабельных работ выпал за борт, получив при падении травмы, несовместимые с жизнью. Принятые для спасения меры результатов не дали. Просим назначить пенсию семье. Гибель матроса Петрова подтверждаю. Командир в/ч. Замполит».

Командир с замом «надрались» по-черному, до блевоты... Зам еще голосил: «Да вот только узнает ли Родина-мать одного из пропавших своих сыновей...»

Старпом понимал и бдил. Бдили и остальные. Напуганный экипаж молчал и обеспечивал ход.

– Иваныч, лучше бы ты его форштевнем... Как жить?

– Надо было. Но ты ж у нас с пистолетом.

– А инструкция? А кто патроны выдавал? Я сейчас как Шарапов, когда Жеглов Левченко застрелил. «Место встречи изменить нельзя». И жалко, и надо. Мужик Петров хороший был, но изменник Родине...

И когда зам блевал в раковину командирского умывальника, одновременно прочищая пальцем слив, чтоб не забился, он старался не смотреть в зеркало. Не мог в глаза глянуть... Себе.

И все время вспоминалась прямая: мушка, прорезь прицела, аккуратно подбритый затылок Петрова... Хорошо старшина команды за подчиненными следит. Палец мягко пошел. На выдохе... Нижняя кромка волос... Под нее, как под «яблочко». И шлюпка тогда в верхней точке замерла...

– Иваныч, я ж не Тарас Бульба. Когда он своего Андрея. Им себя чувствую... Я ж с ним еще вчера в машинном отделении разговаривал. Шутили... Нормальный боец. Был...

Экипаж – одна семья! Экипаж – одна семья? Ну-ну... Экипаж... Одна семья...

К верному выводу зам с командиром так и не пришли... Это как теорема Ферма... Или бином Ньютона (*a* положительное, *ей с* любые). И кто есть кто и с каким знаком – неясно.

И кто эти знаки ставит.

Родина-мать с трактовкой согласилась, но наказала. Ну и что, что патроны списали, а с экипажа взяли подписку. Особый отдел не дремал. Пьянство командного состава на боевой службе. Такая была формулировка. Командир закончил карьеру на ПКЗ, зам – в ВСО. Говорят, спились оба. Не за стрельбу сняты. За слабость духа.

А что инструкцию выполнили, так хорошо. Вы – свою. Мы – свою. На то они и инструкции. Только зря в правильности инструкции вы засомневались, господа.

Почему я не стремлюсь решать глобальные проблемы? А потому, что одну личную все никак не решу. А вот я стрелял бы? Наверное...

А ну-ка к зеркалу, и в глаза смотреть! Наверное?!

Я сказал: в глаза!

Люди и звери

Девять утра. Командир с замом собрали на инструктаж офицеров и мичманов накануне государственного праздника.

Народ толпится в коридоре штаба, щупает новенькую тужурку Вовы Дубового и вертит в руках его шитую фуражку. Не зря три недели на примерки бегал! Да, смерть девкам! Особенно сегодня вечером в «Прибое». Праздник сегодня! Держись, кабак!

Вова, начальник ПТО, благоухает одеколоном и чем-то знакомым, но запретным, особенно утром. Жена у мамы. Горд тужуркой и фуражкой, как Портос новой перевязью. Также огромен, толст, добродушен и благодушен. Глазки блестят. Дышит в сторону.

Заход в кабинет, рассаживание под стук и шарканье ножек стульев по полу.

Командир:

– Проверить заведования. Опечатать. Доложить письменно. Управиться до 12.00. Потом домой. И не тяните, мы тоже люди. Ставлю в пример внешний вид капитана третьего ранга Дубового! Свободны...

Зам вечером скажет. У него – «сид», то есть он старший в части до утра.

А заведование у офицеров и мичманов – семнадцать гектаров леса, набитых взрывчаткой под завязку. Грибам расти негде. Только зверушки и скачут, через мины перепрыгивая. Да ладно, вру, места всем хватало. И зайцам, и кабанам, и другой живности. Кабаны к нам на подсобное хозяйство жрать ходили. Одомашнились. Из-за них вечные проблемы были с проверяющими.

– У вас не учитывается поголовье свиней. Вместо 18 штук последнего опороса нами обнаружено еще шесть поросят и одна свиноматка.

И начинаем доказывать, что мамка умная, дикая, сама в загон свободный залезла, о потомстве заботясь: светло, тепло, комбикорм дают. Не в дремучем же лесу ей с поросятами шастать...

Спасал вопрос:

– Простите, а поросята полосатенькие? И в волосиках? А надо было замечать! А вы кто по специальности? А почему такая некомпетентность? А кто ваш начальник?

Ну, это зам обычно развлекался, он любил животных и не любил проверяющих...

Выходишь из штаба, идешь мимо огромной теплицы. Там внутри овчарка бегаёт, суший зверь, только матроса Умарова признает и замполита, огурчиком свежим уже не побалуешься. Зам его щенком для друга выбрал, привез. Пес рос по часам. В три месяца выглядел на полгода. У госты сапоги итальянские сожрал. Замовский друг в море, а собака над женой и дочкой издевается, через каждые 15 минут на улицу хочет. Нет – так за живот кусает и на диване лежит. В папу играет. Ишь, бабы! На место ставит. Хотя и правильно, с другой стороны. Надо их на место ставить... Измучились дамы, отдали в частный дом. Он там, в прихожей закрытый, всю обувь изгрыз. Во дворе оставили – кусты роз выкопал и на дорожке сложил. Зло и преднамеренно.

Короче, зам в часть его забрал, теленка. На блокпост пытались ставить, так тупой, хоть и огромный. Так в теплице и прижился. Дело знает. Огурцы охраняет, как любимую кость. Зам ему даже часть политрабты передоверил, с пьяницами. Как матрос напился, так в теплицу. А там это чудо, и зубами ниже пояса хватает, и часа по три держит, извращенец. Зато народ трезвеет быстро.

На КПП сдаешь спички-зажигалки-сигареты улыбчивой девушке-матросу из взвода ЖВС – женщин-военнослужащих, и на техтерриторию.

Корабельные сосны величаво ветками качают где-то вверху, смолой пахнет, травами, малинник слева, черничник справа, птички поют, жучки-комашки летают, солнышко пригревает, играя бликами на листиках земляники или чего-то там растительного... Хорошо! Понятно, что это только внешняя часть «хорошо», но все равно здорово!

Топ-топ по металлическим шпалам еще немецкой железной дороги к своим хранилищам. А хранилища тоже немецкие, сверху полтора метра дерна ужеросло, вверху вентилятор, тоже еще те времена помнит. Что-то типа банки трехлитровой из-под воблы, только половинка по вертикали отрезана, а это оставшееся на штырь одето. И крутится, ведь поди ж ты, уже лет пятьдесят! Вентилюет... И внутри хранилищ зимой и летом постоянная температура!

Наши умельцы хотели до секрета добраться, да командир не разрешил: «Пусть еще повертятся. Знаю я вас, спецов корабельных. Не трогайте, умные люди делали».

И подшипник еще жив, и смазки не требует. А влезете – и пойдет: то замены требует, там прогнило, дайте мне солидола, дайте сварку, и прощай, вентиляция, здравствуй, новая статья расходов! А сварка на техтерритории с нашей-то организацией...

Начальник хранения, вы блеск в глазах приглушите как-то, а то мне не по себе уже. Металлолом сдавайте, неужели вам этого мало?

В общем, запретил командир.

Начальник хранения и к заму ходил, в обход к тайне подбираясь. Ха, наивный. Зам у нас человек-кремень был, с академией. И за командира горой.

– Видите ли, Юрий Сергеевич... Перпетуум-мобиле в принципе невозможен. А то, что у нас, это аномалия, нонсенс, патология, полтергейст и непонятка. Что? Нобелевской премией пахнет? Мне половина? Занятно, занятно... А кстати, где ваш конспект по политподготовке мичманов? Я еще не утверждал. Как не успели? А чем вы занимались?

В общем, так эти штуки до сих пор и вертятся... Спасибо начальникам.

* * *

Доклады, доклады...

Одного нет. 12.00. От Дубового.

«Офицерам-мичманам собраться у рубки дежурного по части!»

Это народ праздновать едет.

Нет доклада Дубового. И его самого нет. 15.30. 16.30.

Командир:

– Если не будет через полчаса, объявляем тревогу и прочесываем лес.

Дзынь-дзынь.

Замполит:

– Дома тоже нет, я оповестителя посыпал.

Дзынь-дзынь.

Командир:

– Хер ему, а не перевод в минно-торпедный отдел.

Замполит:

– И по партийной линии у... ем.

Дзынь-дзынь.

Командир:

– А у меня жена оливье приготовила. Обещал к обеду быть.

Замполит:

– А ты езжай, мне все равно сидеть. Появится, сука такая, позвоню. На посошок.

Дзынь-дзынь.

Командир:

– А думаешь, мне оливье в горло ползет?

Замполит:

– А ты рюмаху накати.

Командир:

– Да не поможет.

Дзынь-дзынь.

17.00.

– Григорьевич, пойду-ка я на его заведование. Может, уснул? Оне с утра принявши. Да и проветрюсь малость.

– Нет, тебя не пушу! Начхран говорил, что у нас там то ли полтергейст, то ли НЛЮ... Не помню уже. Дежурный, начальника хранения ко мне! Как убыл? Зам, он убыл! Когда нужен!

Дзынь-дзынь.

– П...ц, достал! Дежурный по части! Боевая тре...

После робкого стука открывается дверь. Дубовой! Ну, падло, здравствуй!

А у Дубового в волосах труха, пуговицы на новой тужурке оборваны, фуражки нет, весь в пятнах смолы и присохших чешуйках сосновой коры, особенно колени и локти.

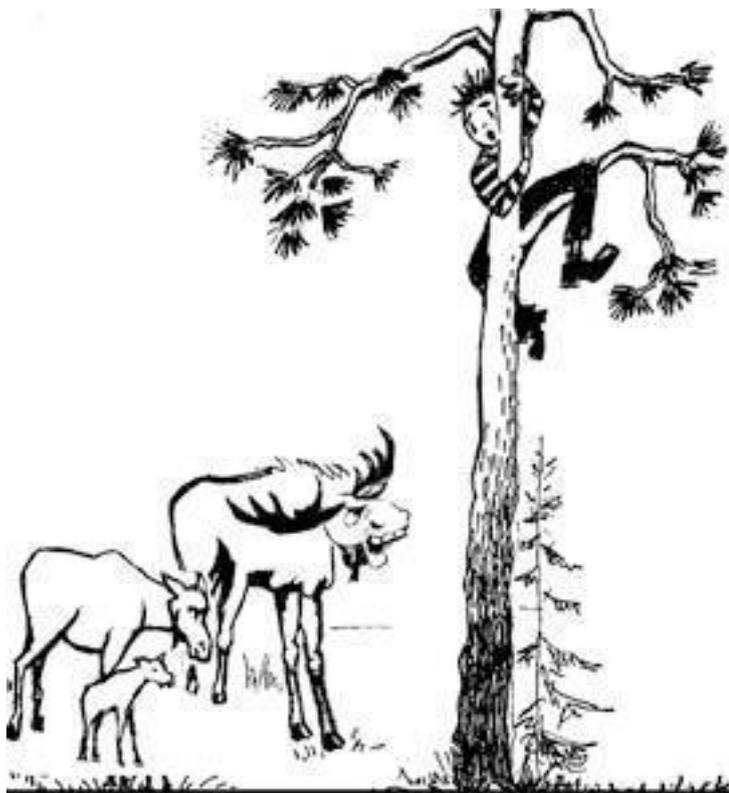
– Товарищ командир, письменного доклада нет, поверьте на слово. Закрыты и опечатаны...

Ну, понятно, небольшая Цусима, Хиросима, Нагасаки, Перл-Харбор. В два голоса. Минут сорок! Пар спущен. Докладывайте...

«Опечатываю я, значит, последнее хранилище. Вдруг, ветка хрустнула. Оборачиваюсь – лосенок. Маленький такой, ножки длинные, подрагивают, губка верхняя подковкой, чмокает... Не удержался я, погладил, палец пососать дал... А тут треск сучьев, тяжелое что-то бежит. Мамка! огромная! На защиту! Из ноздрей огонь, мелкие деревья падают, с корнем вывернутые!

Я ветку схватил сухую, об колено переломил, типа, выстрел! А она на меня, ноги прямые, копытом вперед! А они, лоси, волку череп с первого раза пробивают насквозь!

Хорошо, у сосны стоял. Как вверх взлетел – не помню, вниз глянул – страшно стало, и от высоты, и от того, что лосиха с моей фуражкой за 25 рублей делала! И ревет! А на ее рев и папашка примчался, вот с такими рогами. Ноздри у падлы раздуваются, раздуваются, а потом как затрубит! И на меня смотрит. Типа убью гада за семью! Меня еще выше как подбросило! Сосна корабельная, а я наверху, за нижние ветки держусь. Ох, и высоко! Теперь знаю, что чувствовал матрос-впередсмотрящий в «вороньем гнезде» на мачте парусника... И верхушка сосны циркуляции описывает... Страшно! И пить хочу...

Четыре часа... Затею весь.

И не уходят, дите травку щиплет, лосиха фуражку пинает, фыркает, что-то мужу рассказывает, а он, дурак, верит! А лось фуражку передними копытами, да насквозь! Ревет, а потом голову поднимет, на меня белым глазом глянет, фуражку с ноги стряхнет и как затрубит!

Лучше б ревел...

Потом маленький бекнул, плакать начал. Устал за врагом охотиться. Ну, мамка папку головой в бок ткнула, потерлась, мурлыкнула: пошли мол... Папашка последний раз рогами сосну покачал, рывкнул что-то, мне показалось: «Я тебя найду еще...»

Ушли. Гордые. Малыш за ними.

А я слезть не могу. Затею весь. И руки не расцепить, не ослабить. Не помню, как слез... Прошу освободить меня от занимаемой должности председателя охотничьего общества части. И от походов на техтерриторию или разрешить ходить с ружьем. Извините».

Ну, командир ему, конечно, за непотребный вид взыскание объявил, нельзя так выглядеть. А зама попросил документы приготовить на перевод Вовы в отдел минно-торпедный флота – куда ему после такого стресса по техтерритории шляться, тем более с ружьем. Нельзя там с ним... Не положено.

За окном заурчал командирский уазик. Командир поехал к прокисшему оливье. И Вову забрал.

В освещенной светом дневных ламп теплице – замполит. Что-то собаке шепчет, гладит, тьфу – целует! А дурында хвостом машет, как пропеллером, облизывает зама, скачет. Не к добру. Зам сейчас по подразделениям пойдет. Праздник. Что он там собаке наговорил? Прячься, народ!

* * *

Думаете, «Прибой» гудел без Вовы? Плохо же вы людей знаете! Он в старой тужурке пришел. Хотя, как говорят очевидцы, ожидаемого успеха со смертью девкам так и не произо-

шло. Женщины, они красоту любят. Чтоб шеврон блестел! Значит, хозяин шеврона молод! А если нет, то и он, и шеврон – так, потертость жизненная...

И нельзя военно-морскому офицеру даже после такого стресса начинать знакомство с женщиной с фразы:

– А у нас в части лоси водятся...

И дрожать.

Волны памяти

Нашел интересно-печальную фотографию. А может, это наша «Б-33» лежит на боку в 19 бригаде во Владивостоке? Ржавчина, вода в отсеках.

А раньше жизнь кипела и шумела, свет горел, запах опять такой специфический.

Аден, океаны Индийский и Тихий, море Охотское... Стрельбы торпедные...

«Тянем» боевую подготовку за всю бригаду. Два месяца непрерывных торпедных стрельб. Загрузка – переход в район – стрельба – поиск торпед – переход на базу Завойко – загрузка торпед, ночь – полночь... Вымотались основательно. Я не помню, сколько стрельб нам отдал БП на бригаду нарезал, то ли 42, то ли больше, но 25–30 точно наши. Все успешно.

Ночь, народ спит, идем в район. Тишина. Зам ходит по отсекам, вахту бодрит. Времени около часа ночи. В первом – матрос Бердыев около стеллажа со «стрельбовой» торпедой. У ног – два чайника. Дернулся, услышав, что кто-то в отсек зашел. Лицо хитро-испуганное, щелочки глаз еще меньше стали.

– Ты что ночью бачкуешь? Чай для вахты? Молодец!

– Чай, чай...

– А чего холодный?

А что за запах? Водочкой откуда-то тянет. Боец полтора года не отслужил, не может еще употреблять, не по чину... Хотя полтора как раз сегодня... А снимем-ка крышечку с чайника...

Сонную тишину лодки прорезал дикий рев зама:

– С-у-у-к-а-а! «Торпедуху» слил!!!

И еще разные слова. Слышно было даже в седьмом через задраенные переборки!

В отсек влетел командир: раз ногой по чайнику, два – по второму, три – по Бердыеву!

До стрельбы – два часа. А торпеда приведена в негодность заботливыми и умелыми матросскими руками! И долить нечем, чайники на палубе валяются на боку, благоухают.

Это все мы задним умом сильны – не надо было опрокидывать. Да любой бы опрокинул!

Что-то поколдовали флагмин с минером, механик глицерином поделился, был у него, долили, приготовили, в ТА подводный снаряд загрузили. За десять минут до начала атаки.

Представляете, каково командиру было? Начато выполнение боевого упражнения, стрельба по главной цели, а стрелять-то и нечем... Железный человек, не опустил до доклада. Верил. Про седые волосы врать не будем. Может, и появились...

А Бердыев, с лицом, ставшим в два раза шире, багрово-красно-синим, чистил картошку в четвертом...

Зам бдительность втрое усилил: мутации среди экипажа начались: караси в..., подгодки в... и т. д.

* * *

Последнюю стрельбу выполняет комбриг. Спустился контр-адмирал в лодку, канадка, полусапожки хромовые, огромен, громогласен, в центральном сразу тесно стало. Вихрем пролетел по лодке, перепугал всех до полусмерти, увидел какой-то непорядок, сразу к старпому претензия:

– Старпом! У вас в центральном может лежать огромная куча дерьма! Но если оно обвеховано и обнесено леером, а по центру воткнута табличка «ответственный старшина 2 статьи Пупкин», значит, на лодке порядок! А пока наблюдаю бардак!

Ну, во общем, все как положено. Устранили, в дерьмо таблички воткнули, доложили.

Идем в район.

Разделся комбриг в командирской каюте, усы причесал, в центральный вернулся, и уже спокойно:

– Зам, а что это у тебя?

Замам предписывалось вести магнитофонную запись торпедной атаки, а потом кассету сдавать в секретную часть в качестве приложения.

Наш записывал аж два раза, сначала командира, потом старпома. Старпом тоже стрелял.

Среди сплошного мата можно было разобрать только одно, после выхода торпеды: «Б...! А какая, омега“?!» Старпом себе кассету забрал, командир тоже. На память. Чтоб потом на пенсии слушать. Так и не попали они в секретную часть. А что зам – ему чистых две кассеты купили, чтоб родину в расход не вводить. Он что-то не так понял, Высоцкого записал. «Баньку» в том числе. Слушали все с удовольствием.

Перед прибытием комбрига зам одну кассету стер, хорошо, что не с «Банькой». А где ему кассет набраться? Мы ему из отпуска везли, в Москве покупали. У нас даже фанерки не было под боевой листок. Когда матросу приходила посылка, зам лично ящик от нее забирал. Особенно ценились крышка и доньшко.

А у зама на коленях магнитофон «ВМ-72». Или 75? Его Бердыбеков в люк центрального уронил. Специально. В палубе вмятина, а «магу» хоть бы хны.

– Магнитофон, товарищ комбриг. Торпедную атаку записывать.

– Слушай, зам... Убери агрегат. Честно, раздражает. Пусть вахтенный от руки конспектирует. Может, по отсекам пройдешься? Ты на ВИПе? Да ладно, там в расчете и так людей полно...

А записывать было что! Даже старпом, виртуоз выражений, был скромным очкастым интеллигентом по сравнению с комбригом! Боцман Станюковича или Соболева, или еще кого-то там – беспомощный дилетант!

Куда там командиру с его «омегой» и жалким старпомовским «акустики!»

Комбриг метался из центрального во второй и ревел: «ЕТМ, б..., б..., ЕТМ!»

Наверное, секретная адмиральская фраза для направления торпеды в цель.

А ведь попал!

Всплываем.

Все потные, возбужденные, ждем, когда ракеты торпедные сработают для ее обозначения...

Есть!

Зам пробирается к командиру.

– Александр Иванович, там внизу очередь. Кок нас гороховым супом кормил. Народ в ограждение рубки просится. В галюн.

– Добро.

Бумажки, влекомые свежим ветерком, достигают и мостика...

Комбриг:

– Старпом, у вас опять бардак!

Командир:

– Зам, чтоб я тебя еще раз послушал! Пусть гадят в штаны!

Весело! Жизнь...

А теперь здесь живут крабы...

Нет, не моя это лодка на фотографии. Моя еще где-то ходит...

Очень спорный тезис

«Гальюн не предусмотрен!»

Надежда

«Описаться можно» Г. Логунова

Намеренно вызываю на себя плевки и недовольство несогласных. И непонимание. Но нам не привыкать.

Пора навести порядок и в этом вопросе. В каком? Да в главном! Пиво и водка – антагонисты.

А вот пивом залиться – это вам не водкой напиться. И я всегда думаю о других. Вот гаишник с палочкой-зарабатыватчалочкой. Ему что приятнее будет? Выдох в лицо соединениями этила или сочный запах хмеля и пряный солода? Хотя цена одна. А напрасно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.